

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ
Олег
МАРКЕЛОВ

[КРЫЛО АНГЕЛА]

Роман Злотников

Крыло ангела

«Автор»

«Автор»

Злотников Р. В.

Крыло ангела / Р. В. Злотников — «Автор», «Автор»,

Алексей родился в Советском Союзе, отслужил в армии и вернулся в совсем другую страну – в Россию. Занялся бизнесом, поймал удачу за хвост, и со временем ему уже многие завидовали. А что, вроде бы у парня все есть: свое дело, иномарка, квартира, любимая девушка. Но что-то не дает Алексею покоя – иногда возникают тени воспоминаний о том, чего не было, и появляется странное ощущение, что где-то далеко его ждет другой мир. Проверить это ощущение оказалось легко, всего-то и нужно было остановиться лунной ночью на МКАД, выйти из тонированной «ауди» на обочину и шагнуть в портал... Однако память о давнем прошлом просыпается не так скоро, а сражаться за свою жизнь и за новых – или старых? – друзей нужно уже сейчас...

© Злотников Р. В.

© Автор

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	36
Глава 5	44
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Роман Злотников, Олег Маркелов

Крыло ангела

Пролог

Солнце уже скрылось за невысокими горами, но небо пока не сдалось подступающей тьме, хотя и склонилось перед ней. Чистое и все еще светлое, оно уже не освещало раскинувшиеся каменистые холмы, покрытые скупой растительностью, а, напротив, светом своим словно делало растекающийся по земле сумрак еще темнее, как бы говоря: «Не надо гневаться, тьма, я вижу твою силу и даже оттеняю ее, чтобы она была лучше видна». Но, склоняясь перед быстро надвигающейся тьмой, небо все равно стремилось донести в заполняемые этой тьмой долины последние лучи ушедшего светила как символ надежды и знак неперемennого, неминуемого возвращения света...

Небольшая, уютная долина, спрятавшаяся между невысоких отрогов близких гор, по большей части уже оказалась захлестнута тенью. И лишь несколько из россыпи маленьких приземистых домиков, будто горсть фасоли брошенных в эту долинку, все еще несли на крышах отсветы уходящего дня, а остальные уже устали на подбирающуюся южную ночь светящимися глазами окон.

Стоящий на крыльце одного из домиков молодой мужчина курил, задумчиво глядя на кромку гор, четко очерченную на фоне неба, словно смастеренную арбатским художником-импровизатором, который взял, да и вырезал вместо профиля из черной бумаги эти причудливые пики. Мужчина выпускал струйки сигаретного дыма, перемешивающегося с густым, жарким еще воздухом, слушал громкий стрекот цикад и вспоминал свою родину. Хотя какая родина может быть у советского офицера? «Мой адрес не дом и не улица. Мой адрес – Советский Союз». Разве мог представить себе пацан из небольшого провинциального городка, любимым развлечением в котором было нестись во весь дух с друзьями на велосипедах к речке, а потом купаться до посинения, что окажется вскоре на самом краю своей великой Родины, у самых южных ее границ?

Но жизнь – непредсказуемая штука. После школы он поступил в военное училище, расположенное в полусотне километров от родного дома. Учеба, свидания с девчонками, смотрящими на бравого курсанта восторженными глазами. Первая сигарета, закуренная скорее для солидности, чтобы казаться взрослее. Первые поцелуи. Бравая небрежность в голосе: «Дальше Кушки не пошлют – меньше взвода не дадут». Но все когда-нибудь кончается. И вот распределение. Потом поезд. Пересадка – и еще один, гораздо грязнее первого и набитый битком. Затем раздолбанный автобус. И как венец – кузов дребезжащего армейского «ЗИЛа» и круглые глаза юной жены в сумраке тента... Оказалось, что на необъятных просторах великой страны есть места, про которые вполне можно было сказать, что они «дальше Кушки». Вот, например, это, где перепад дневной и ночной температуры больше тридцати градусов, где цивилизация в своем развитии остановилась, наверное, пару веков назад и где постоянно надо смотреть под ноги, чтобы не наступить на хвост гюрзе, не напугать скорпиона или фалангу. И только одному Господу известно, когда и куда его переведут отсюда.

Рубиновый огонек сигареты, отправленной во тьму щелчком, описал короткую дугу и скрылся где-то среди камней. Последний раз полной грудью вдохнув теплый воздух, мужчина шагнул в дом, где молодая офицерская жена укладывала трехмесячного сынишку.

– Он еще не спит? – спросил шепотом мужчина, услышав жалобные всхлипы малыша.

– Наверное, животик болит, – ответила женщина.

Она лежала на краю невысокой кровати-топчана и, протянув руку сквозь решетку стоящей рядом детской кровати, старалась успокоить ребенка. Однако малыш тревожно ворочался, всхлипывая и словно пытаясь оттолкнуть руку матери. Мужчина выключил свет и лег на свободное место. Он почти тотчас заснул, а женщина все лежала, глядя рукой сына и силясь понять его тревоги.

...Страшные твари бежали размеренным шагом, неторопливо, но неотвратимо приближаясь. *Он* видел их, как и многих-многих других, присутствующих в этом мире. И они тоже знали, что *он* видит их. Вот только почему-то не боялись... Их сухие тела, больше похожие на обтянутые темной кожей скелеты, двигались легко и четко, словно заведенные автоматы. Длинные ноги с высокой голенью и сгибающимися назад, словно у птиц, коленями, совсем не создавали шума. Лишь по облачкам пыли, взлетающей при каждом стремительном шаге, можно было понять, что это не бестелесные призраки, скользкие во тьме южной ночи. *Он* пытался подняться, чтобы встретить обнаглевших охотников во всей своей мощи. Мощи чрезмерной для таких ничтожных и презренных падальщиков. Но тело не слушалось. Даже разум был окутан непонятной пеленой, в которой зияли лишь отдельные частые прорехи. Как будто пятна чистой сини в темном грозовом небе. *Он* крутился, борясь с непослушным телом и чувствуя себя перевернутым на спину майским жуком, которого вот-вот растопчут. Осознав всю тщетность своих усилий, замер, прислушиваясь и присматриваясь. Рядом был еще кто-то. Мужчина и женщина. Мужчина спал, а женщина касалась рукой *его* головы и что-то шептала. Она пыталась успокоить *его* страхи – это было совершенно ясно.

– Уходи, женщина, – попытался сказать *он*, отталкивая ее руку. – Они идут лишь за мной. Но заберут всех, кто окажется рядом.

Горло дергалось, силясь облечь *его* мысли в слова, но лишь жалкое мяуканье рождалось в нем. Детский плач? *Он* с ужасом понял, почему столь беззащитным и жалким чувствует себя сейчас. *Он* был заключен, словно в прочнейшие кандалы, в крошечное детское тело. Тело маленького, трехмесячного ребенка.

Твари были уже совсем близко. Теперь *он* чувствовал и их возбуждение, словно у гиен, вышедших на едва живого и неспособного сопротивляться льва. Они замедлили бег, приближаясь к дому и в свою очередь прислушиваясь. Со львом, когда тот умирает, все же надо держать ухо востро. Лишь легкое порывание, воспринимаемое обитателями этого мира как приступы необъяснимого страха, выдавало их нетерпение. Но в своих действиях они этого нетерпения позволить себе не могли. Слишком хорошо они знали, кто должен стать их жертвой. Осторожно, будто боясь спугнуть удачу, они приблизились вплотную к дому. Одна тварь побежала вокруг, неторопливо проверяя все подходы. Вторая медленно, словно опасаясь удара, заглянула в окно.

– Убери руку, женщина! – взмолился *он*, напрягаясь изо всех сил, но услышал лишь жалобный детский плач.

Тварь, завершившая круг, скользнула в открытое окно соседней комнаты. Еще секунду назад казавшаяся угловатой на голенастых ногах, она теперь, подобно ящерице, распласталась на полу, плавно переставляя конечности, стелясь, словно клочок утреннего тумана. Вторая замерла под окном спальни, готовая одним рывком ворваться внутрь, когда начнется потеха.

– Убери руку... – стонал *он*, пытаясь оттолкнуть теплую ладонь и видя, как неумолимый убийца подползает все ближе.

Что-то внезапно изменилось в окружающем пространстве. Словно прохладный воздух вдруг заструился в неподвижной духоте комнаты. Ветерок легким перышком коснулся *его* лица. Тварь отшатнулась от окна, жалобно заскулив, когда в комнате замерцало что-то большое и еще более стремительное, чем они. Подползший слишком близко второй убийца уже не мог спастись. Мерцание разрубило его надвое, превратив из ужасного монстра в грудку костей и жил. Несколько секунд – и останки исчезли, вернувшись туда, откуда тварь пришла в этот мир.

Женщина встревоженно вскинулась, всматриваясь в темноту комнаты, где ей почудилось неясное движение. Словно мелькнуло что-то – то ли тюль на ветру, то ли крыло огромной белой птицы. Но там ничего не было, и она, решив, что задремала, легла вновь, прислушиваясь к дыханию внезапно успокоившегося малыша.

– Ты пришел, – облегченно вздохнул *он*, глядя на склонившуюся огромную белую фигуру.

– Разве могло быть иначе? – спросил гость, улыбаясь. – Я был рядом, но до последнего мига надеялся, что они уйдут. Ты ведь под защитой.

– Я почти ничего не помню, – пожаловался *он*.

– Ты осужден. Поэтому тебя лишили связи с Сутью, – пожал плечами гость. – Это меня не тревожит. Но мне не хотелось бы оставлять тебя одного. Памятуя о том, что только что произошло, – тем более. Но решение неоспоримо. Я закрою прорехи, и они больше не придут... Они не найдут...

– Странно... я же почувствовал их. И я помню, кто они. Разве я мог бы сделать это, не имея связи с Сутью?

– Да, – гость грустно усмехнулся, – но это всего лишь тоненькая нить, паутинка, воспоминание... И даже она останется лишь до тех пор, пока это маленькое тельце не взрастит в себе сознание.

Гость выпрямился. Что-то с шелестом плеснулось за его спиной, заполняя белым снегом всю комнату.

– До встречи через жизнь, – шепнул гость, проводя ладонью над кроваткой с затихшим ребенком. – До встречи...

Струйка свежего воздуха коснулась влажной от пота кожи, и женщина вновь встревоженно приподнялась. Что-то изменилось, казалось, в самом воздухе. Может быть, завтра будет дождь? Женщина встала, склонилась над детской кроваткой. Малыш спокойно спал, мерно и тихо посапывая. Его вид мгновенно успокоил женщину, лучше любого снотворного подействовав на состояние матери. Сон легким покрывалом коснулся ее, и через минуту весь дом был охвачен мирным безмолвием.

Глава 1

Зима нынче в Подмоскowie выдалась великолепной. Много снега, мороз, частые солнечные дни. А вечером, когда ночь вступала в свои права, всем, кто, выйдя на улицу, поднимал взгляд вверх, открывалась почти чарующая картина – яркие, крупные звезды, ясно видимые сквозь хрусталь зимнего воздуха.

Восьмидесятые перевалили на вторую половину, и мир вокруг выглядел таким же прозрачным, как этот чистый морозный воздух. Сегодня вечером во многих квартирах небольшого подмосковного городка люди садились гадать, как и много лет назад их предки. Близились Рождество, и многие, ставя зеркала, соединяя руки на доньшках блюдца или как-то еще, пытались нагадать себе счастье если не на всю жизнь, то хотя бы на следующий год. Человек всегда верит во что-то таинственное, немного страшное и непонятное, но тем как раз и притягивающее к себе. Такова его суть, и не важно, где он родился, вырос и живет – в знойной саванне Африки или в прохладной Скандинавии, на островах в Индийском, Тихом океанах или еще где на этой такой маленькой Земле, затерянной в необъятных просторах Вселенной.

– Прикольно, конечно, но пускай он мне ответит на какой-нибудь вопрос, – скептически усмехнулся юноша, наблюдая, как несколько его родственников с благоговейным ужасом читают буквы, указываемые скользким под их руками блюдцем. – Давайте я спрошу, и сразу станет ясно, что это никакой не дух.

– Леша, успокойся, – одернули его. – Это не цирк. С духами нельзя шутить.

– Ну да. И кто же из вас дух? – вскинул брови юноша. – Почему вы не хотите, чтобы я спросил? Просто играетесь и понимаете, что ни на один серьезный вопрос ответить не сможете?

Он язвил лишь потому, что ничего не принимал на веру без веских доказательств. И пусть кому-то это могло показаться цинизмом или грубостью, но Леха ничего с этим поделать не мог. Хотя в глубине души ему безумно хотелось, чтобы это блюдце действительно оказалось замочной скважиной в иной, невидимый и неведомый, мир. Мир огромный и сложный, где нашли место под солнцем сонмы предков и где найдет со временем место и он сам. Ему очень хотелось поверить во все это, но сдаться, не получив подтверждений, ему просто не позволял характер.

– Если сам не веришь, иди, не мешай нам, – укоризненно покачала головой мама. – Не злобствуй. Просто дай нам спокойно этим заниматься. Ведь тебя-то никто не заставляет садиться в круг.

– Ну... я бы поверил, если вы позволите мне задать несколько вопросов, – упрямо качнул головой Леха, с детства продемонстрировавший, что он не привык сдаваться и не шибко признает авторитеты. – Что, вам слишком сложно дать мне возможность о чем-нибудь спросить?

Но тут блюдце под руками гадающих быстро задвигалось, мечась по листу ватмана с начертанными буквами и цифрами. Все оживились, моментально забыв о споре.

– Кто ты? – с чувством спросили сразу несколько голосов.

Блюдце продолжало метаться, совершая хаотичные движения.

– Тебе что-то мешает? – спросил отец.

Блюдце замерло над написанным ответом «Да».

– Что? – подхватили остальные.

Блюдце вновь заскользило по ватману, перебегая от буквы к букве. Все словно завороченные смотрели на его бег, повторяя хором указанные буквы.

– А... Эл... Е... Ка... Эс... Е... И краткое... Алексей?!

Блюдце метнулось к ответу «Да».

– Леха! Прекращай! – зашумели все. – Ты нам все гадание портишь!

– Чем я порчу?! – взвился юноша, гневно сверкнув глазами. – В прошлый раз кошка вам мешала, теперь я. Кому-то из вас, кто блюдец крутит, просто не нравится, что я могу его подловить.

– Прекращай уже. Нам что теперь, бросить все из-за твоего упрямства?

– Да ну вас всех! – обозлился Леха. – Сидите как дураки над этим блюдцем. Нашли себе игрушку...

Он быстро оделся и вышел из квартиры, хлопнув дверью. Алексей здорово злился, лишившись даже надежды на то, чтобы поверить. Яркие звезды на черном бархате неба выглядели колдовскими и чарующими. Неожиданно он почувствовал, что пространство вокруг него как-то изменилось. Словно стоит сделать какое-то движение, раскинуть руки – и взлетишь, поднимаясь к далеким звездам. Раздражение и злость сменились ощущением, что его слышат. Неизвестно кто, но слышит. Леха встал, глядя на звезды.

– Если вы действительно существуете, проучите их, – вдруг попросил он, сам не зная, к кому сейчас обращается. Уж не к Господу, совершенно точно – в Советском Союзе середины восьмидесятых молодежь не говорила с Господом.

Ничего не произошло. Все так же смотрели сверху холодные звезды. Все так же кружились в медленном хороводе редкие кружевные снежинки. Тряхнув головой и подумав о собственной глупости, Леха зашагал дальше, слушая, как хрустит под ботинками снег.

Дома было тепло и уютно. Родители сидели в гостях у родни, скорее всего продолжая увлеченно гадать. Немного почитав, Леха забрался в постель и быстро уснул.

Родители вернулись далеко за полночь, усталые и невеселые. Проснувшись, Леха вышел их встретить.

– Нехило вы погадали, – удивился он, бросив взгляд на часы.

– Да уж, погадали... – поморщившись, покачала головой мама. – Вымотались все ужас как.

– А чего сидели-то? – спросил Леха.

– Ты знаешь... Дух хулиганил. Представился Есениным и хулиганил. Ругался матом, насмехался над нами, – начала объяснять мама.

– Так плюнули бы да ушли.

– Нельзя уходить, пока дух не простился и не ушел сам, – пояснила мама. – Иначе этот канал останется открытым.

– Да, тяжелый случай, – пожал плечами Леха. – Ладно, родители, спокойного утра. Пойду досыпать.

Он вернулся в постель, но сон больше не шел. Лехе вдруг стало не по себе от воспоминания об испытанном под звездами ощущении. Он лежал в теплой постели, скрытый от звезд толстыми бетонными перекрытиями современной многоэтажки. Но по спине бежали мурашки от вновь возникшего чувства чьего-то присутствия. Было тепло, но Леха натянул одеяло до самой макушки, словно ребенок, прячущийся от своих страхов. И опять что-то изменилось. Как будто кто-то аккуратно коснулся его плеча. Коснулся по-дружески, сразу принеся спокойствие и открыв ворота сну.

* * *

В спортзале почти не было народу – середина праздничного дня, весьма удачное время для ежедневной тренировки. Трое юношей, работающих вместе, да пара мужиков, тренирующихся поодиночке.

– Ты что, поступать никуда не будешь больше? – спросил массивный, выглядящий старше своего возраста парень. Он держал старые, потрепанные «лапы», по которым остервенело молотил второй, сухой и жилистый.

– Я раз попробовал – не вышло. Значит, не судьба сейчас, – ответил тот, останавливаясь и переводя дыхание.

– Не судьба? А армия? – удивился массивный, стаскивая «лапы» и протягивая их третьему, невысокому и коренастому: – Подержи. Ты что, Леха, в армейку собрался?

– А хоть бы и так, – пожал плечами сухой, отходя чуть в сторону и присаживаясь на облезлую лавку. – Ты, Миха, чего в этом плохого видишь? Главное – в войска нормальные попасть.

– Ты серьезно? – подал голос коренастый, морщась от тяжелых ударов по «лапам» того, которого звали Михой. – И в какие войска ты хочешь?

Словам Лехи друзья поверили безоговорочно – он всегда слишком серьезно относился к своим словам. Но решение идти в армию, даже не попытавшись откосить, было совершенно необъяснимым. Терять два года непонятно зачем – ну не идиотизм ли?! Тем более Лехе... Каждый, кто хоть раз разговаривал с Лехой, ощущал его энергетику, внутреннюю силу и волю. Он явно должен был добиться в жизни многого. И вот человек, обладающий такими качествами, вдруг решает пойти в армию, где, по мнению обывателей, служат только дебилы да неудачники...

– Да фиг его знает, – пожал плечами Леха. – Морпех, десантура, погранцы. Остальные – лажа полная. Из этих вернешься, так хоть чувствовать себя нормальным будешь. Достойные войска. Правда, морпех на три года. Это, пожалуй, многовато. А вообще, Серега, не всем же такими умными быть. – Он усмехнулся и от души врезал по груше, так что она аж загудела. – Кто-то и Родину защищать должен.

Довольный последней фразой и – слегка – тем, что друзья смотрят на него как на полного отморозка, Леха пошел к турнику. На самом деле он даже самого себя удивлял своим спокойным решением «сходить в армейку» и испытать себя. Конечно, на турнике он многим в спортзале фору даст, в спарринге ребят постарше попотеть заставит, да и вообще по жизни он не робкого десятка, но ведь про армию чего только не рассказывают.

– Леха, завязывай крутиться, в глазах рябит, – забасил подошедший Миха, которому вследствие комплекции и веса тяжелоатлета турник давался много хуже, чем спарринг или работа с утяжелениями. – Ты чего сегодня на вечер планируешь? Выходной как-никак.

– Есть предложения? – выдавил Леха, назло товарищу подтягиваясь на одной руке.

– Давай на дискач съездим? – Миха нахмурился, с явной завистью наблюдая за действиями друга. – Я с девчонкой одной познакомился. У нее и подружки есть, я узнавал. Одна прямо в твоём вкусе.

– В моем вкусе? – переспросил Леха, спрыгивая с турника. – И одинокая, и желает познакомиться?

– Что не сделаешь ради подруги, – ухмыльнулся Миха, радуясь выпавшей возможности отомстить за турник. – Она, конечно, думает, что у меня друзья такие же, как и я, серьезные. Но для подруги она готова и с таким тощеньким юношей скоротать вечер. Тем более на дискаче темно, а после и подавно. Идешь?

– А Серега идет? – спросил Леха, бросая взгляд на молотящего по груше в углу Серегу.

– Да он же без помощи вообще с девчонкой познакомиться не может. Ты думаешь, он упустит такой случай? А тебе и подавно надо, раз уж ты в армейку собрался. Надо нагуляться и накуролеситься на два года.

– Только пусть она еще подружку найдет...

– Расслабься, это только ты у нас любитель маленьких и худеньких, – успокоил товарища Миха. – Для Сереги там такая деваха есть... Хохлушка, наверное.

– Ладно, – согласился Леха. – А где дискотека-то?

– Тихое место. ДК «Хроматрон», слышал? Вот там.

– А чего на нашу не сходить? Сегодня праздник, так и у нас будет. И девок сюда притащим.

– У тебя что, родаки отдыхать уехали? – язвительно спросил Миха.

– При чем тут мои родаки? – не понял Леха.

– А при том. На дискач сюда девок выдернуть, конечно, можно. Но у Ленки, с которой я познакомился, шнурки в Сочи свалили. Если все будет путем, с дискача к ней метнемся. Там и зависнем. На их территории мы их по-любому раскрутим. А тут, кроме потанцевать, нам вряд ли что обломится. Или ты хочешь с ними по подъездам обжиматься?

– Убедительно глаголишь, отрок, – сдался Леха, почувствовав легкий укол зависти к другу, которому просто необычайно везло на подружек. Девки на него вешались.

Впрочем, ему самому подсознательно казалось, что и у него, буде он нацелен на быстрые знакомства, все было бы не хуже. Во всяком случае, девчонки его всегда замечали. Просто... он относился к этому гораздо спокойнее Мехи. Коль сладится – так сладится, а нет – и не надо. Как будто знал, что главные встречи ждут его где-то там, далеко...

– Тогда давай разбегаться, – скомандовал Миха деловым тоном. – Времени в обрез. По домам, переодеваться. Сбор у меня через два часа.

* * *

Темный зал ДК «Хроматрон» содрогался от рева огромных потертых деревянных колонок, изрыгающих из себя очередной мотив «Модерн токинг» в интерпретации Сергея Минаева. Спрятанные за разноцветными светофорными стеклами фонари оставляли множество неосвещенных мест в зале, создавая тем не менее цветной калейдоскоп в глазах скачущей по грязному полу толпы. Дискотека была в самом разгаре.

– Ну как тебе она?! – заорал Миха в самое ухо Лехе, с трудом перекрикивая какофонию.

Леха только показал поднятый вверх большой палец – ему и вправду понравилась миниатюрная, как Дюймовочка, брюнеточка. Настолько, что он даже решил отойти от своей обычной манеры и, так сказать, приударить.

– Я же тебе говорил! – оскалился Миха. – Вон и Серега уже слюни пускает!

Серега слюни не пускал, он вовсю обжимался с новой подружкой, постоянно путая быстрые танцы с медленными. Похоже, что эта парочка уже сейчас была готова продолжить вечеринку в какой-нибудь квартире без родительской опеки.

Неожиданно Леха напрягся. Он ясно почувствовал что-то враждебное рядом – недобрый взгляд или жест, но это явно относилось к нему. Оглядевшись, он мельком заметил небольшую группу ребят, примерно такого же возраста, косо поглядывающих в их сторону.

– Нам с девчонками надо отойти на пять минут, – предупредила маленькая брюнеточка, обхватывая Леху за шею. – Мы быстро. Там Ленка бутылку притащила. Мы по глотку – и обратно.

– Давай, – пожал плечами Леха, расслабляясь от прикосновения хрупкого, гибкого тела. – Возвращайся быстрее, скоро медляк будет.

Девчонки упорхнули, и тотчас, словно это было сигналом к действию, окружающие расступились, образовав вокруг троих друзей плотное кольцо недобрых лиц. Вперед выдвинулся здоровенный парень с модно взлохмаченными патлами. Он зло зыркнул на троих стоящих в живом круге ребят и, ослабившись, лениво ткнул пальцем в Леху и Меху:

– Ты и ты, можете сваливать. К вам вопросов нет.

Леха окинул его и остальных оценивающим взглядом и спросил, кивком указав на Серегу:

– А он?

– Он останется, – сплюнул патлатый. – И ты, если время тянуть будешь, тоже. Тебе что, больше всех надо?

– Мне – надо, – тихо ответил Леха. И отчего-то, несмотря на то что сейчас на них неминуемо обрушатся кулаки доброй дюжины противников, он почувствовал себя совершенно спокойно и даже безмятежно. Так, как чувствует себя человек, поступающий не просто правильно (то есть в соответствии с какими-то установленными кем-то правилами), а верно и точно. Так, как и должно поступать ЧЕЛОВЕКУ.

Впрочем, надо было все-таки попытаться выйти из ситуации с минимальными потерями.

– Парни, проблем нет. Мы вместе пришли и вместе уйдем. Давайте разойдемся мирно, – ответил Леха.

Миха покосился на него. Он понимал, что они трое лезут в петлю. Но если даже Леха не думает отступать, то что оставалось ему, самому могучему из их тройки?

– Ладно, хватит болтать. – Патлатый вновь сплюнул, пытаясь попасть в Леху. – Кто хотел, тот ушел. – И скорчил свирепую рожу, привычно собираясь запугать, сбить с толку противников. Но на этот раз его гримасничанье не сработало.

– Ишь какой ты самоуверенный. – Леха улыбнулся почти весело. – Ты не знаешь, кто мы и на что способны. Ты уверен, что все держишь под контролем?

Смех и выкрики вокруг смолкли, но патлатый, глядя Лехе в глаза, махнул рукой:

– Ату их, пацаны!

Круг сжался. Миха, чудом увернувшись от первого удара какого-то дылды, накатил в ответ. Его хлесткий прямой в челюсть унес нападавшего в ряды последователей. Леха, понимая, что никакая тактика вроде «спина к спине» в ситуации, когда против троих стоит человек пятнадцать, а то и больше, не сработает, прыгнул вперед. Его рывок оказался для всех столь неожиданным, что патлатый не успел даже вскинуть руки, когда на него обрушился град жестких ударов. Короткий левой в печень с поворотом кулака, правой вдогонку в «солнышко» и той же правой крюк в челюсть. Патлатый рухнул будто подкошенный, а Леха еще успел достать падающего на лету ногой в голову. Град ударов обрушился со всех сторон. Леха крутился, но получалось едва-едва отмахиваться от нападавших, совсем не отвечая на удары. Товарищей он сразу потерял из виду. Чей-то ботинок врезался под ребра, заставив его согнуться. Леха ухватил первого попавшегося за лацканы мешковатой куртки и, пытаясь вдохнуть, все же сумел ударить головой в лицо. Не слишком удачно, почти макушкой, но достаточно сильно, чтобы увидеть брызнувшую из разбитых носа и губ кровь. Кто-то лупил его по спине кулаком. Отпустив сникшую мешковатую куртку, Леха, не поворачиваясь, лягнул ногой, смачно попав в мягкое каблуком. Надеясь вырваться, он продирался к выходу из зала, уже перестав считать и чувствовать сыпавшиеся на него удары и желая только одного – не упасть. Чье-то лицо оказалось совсем близко, и Леха тяжело и коротко ударил локтем. Лицо упало, и Леха, споткнувшись о его обладателя, рухнул следом. Чудом он не упал совсем, а, пробежав несколько шагов на четвереньках и удивительным образом уклонившись от направленных в него пинков, сумел подняться. Выход был совсем рядом. Но в тот миг, когда Леха уже поверил в близость спасения, кто-то достал-таки его ногой в солнечное сплетение. Захлебнувшись застрявшим в горле воздухом, Леха еще успел заметить приближающийся тяжелый рабочий ботинок с усиленным носком. В виске взорвалось ярким светом, как будто прямо в глаза ударила ослепительная вспышка. Тело в последний раз тряхнуло, словно от удара током. А в следующий миг все погрузилось в спасительную тьму.

* * *

В ушах стоял непонятный глухой гул. Казалось, будто с обеих сторон прислонили огромные раковины, которые вместо приятного шелеста моря выдают этот болезненный, надрывный

звук. Возможно, именно так звучит огромный трансформатор, если залезть вопреки предупреждающим табличкам в трансформаторную будку. Только потом вряд ли поделишься впечатлениями от его звука.

Перед лицом что-то двигалось, но Леха никак не мог разобрать, что это. Наконец зрение кое-как удалось сфокусировать: перед лицом двигался пол. Леха с трудом поднял голову и увидел двух милиционеров, тащивших его за руки.

– А, оклемался, дебошир, – заметил один из них, пожилой, почти отеческим тоном. – Здесь посиди.

С этими словами они усадили Леху на лавку у стены. Только теперь Леха понял, что оказался в коридоре, ведущем в танцевальный зал. Там, в зале, все так же играла музыка. Только доносилась она, как и слова милиционеров, сквозь толстые, невидимые подушки из ваты. Да еще этот мешающий «внутренний» гул...

– Что же ты хулиганишь? – спросил, подсаживаясь рядом, второй милиционер. – В своем районе, поди, так не ведешь себя. Ты откуда?

Леха вдруг забыл, как называется его городок, и лишь неопределенно шевельнул разбитой рукой.

– Ясно. Я и говорю – не местный. Нет чтобы к себе на танцы, ты к нам за приключениями, – пожурил милиционер, доставая пачку «Дуката». – Сигарету хочешь?

– Не курю, – выдавил Леха, чувствуя, как с трудом шевелятся губы.

– Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет, – сострил первый милиционер, окидывая Леху насмешливым взглядом. – Ладно. Забирать мы тебя не будем, хоть по-доброму в отделение бы тебя до утра. Да черт с тобой. Праздник все ж таки. Отдышись и вали домой. Понял намек?

Леха кивнул, желая только одного – чтобы его оставили сейчас в покое. Удовлетворенные такой сговорчивостью, милиционеры побрели в сторону выхода. Леха закрыл глаза и привалился к стене, ощущая полное оцепенение, сродни тому, что испытывает явно перебравший человек.

– Ну наконец-то я тебя нашла! – Маленькая брюнеточка появилась неожиданно, совершенно искренне ужасаясь: – Кошмар! Что эти гады с тобой сделали... Бедненький.

– За что нас? – поинтересовался Леха почти безразлично.

– Да Ленка раньше с одним тут у нас крутила. А сейчас они расстались, а он ей жизни так и не дает, – пояснила брюнетка. – Мы хотели предложить вам свалить с дискотеки, да не успели.

– Ну да. – Леха попытался усмехнуться, но подсохшая губа снова лопнула, брызнув кровью, и он оставил попытки съязвить. – А где Миха с Сергей?

– Они вроде там, в холле, были. – Брюнетка вскочила с лавки. – Я сейчас приведу.

Леха уже начал приходить в себя, как ему показалось. По крайней мере, он не чувствовал ни особой боли, ни каких-либо других серьезных неудобств. Силы возвращались к нему, неся ощущение, что не все так плохо в жизни. Зато эта брюнеточка уже готова и пожалеть, и позаботиться. Похоже, родителям не видать сына сегодня. Леха поднялся и поплелся за упорхнувшей брюнеткой.

– Леха! – окликнул его довольно бодрый голос друга. – Ну ты красавчик! Этого волосатого, с которым ты схлестнулся, первым на «скорой» увезли. Ты ему челюсть сломал, кажется, а то и чего похлеще. Ты, кстати, себя еще не видел? Девчонки, дайте ему зеркало.

Леха обернулся на голос и опешил. Миха действительно выглядел весьма живописно – явно сломанная переносица, справа и слева от которой уже начали набухать отеки, гематомы по всей морде, запекшаяся кровь на губах, разорванная рубашка и разбитые в кровь кулаки. Гладиатор после битвы, да и только.

– Ты на себя посмотри, – выдавив все же улыбку, парировал Леха. – Идущие на смерть приветствуют тебя. А Серега как?

– Он-то легче всех отделался. Его почему-то практически не били, – кивнул на сидящего рядом друга Миха.

– Надо быстрее соображать, – возразил Сергей. – Ты ведь, Леха, тоже прорваться пытался?

– Пытался, – кивнул Леха. – Вы мне лучше не про то, что было, расскажите. Об этом мы завтра поболтаем. Вы мне скажите, что дальше делать будем. Все кончилось или нас отсюда не выпустят? И где твоя Ленка?

– Да никому мы больше не нужны, – набычился Миха. – Ленка где, не знаю, но, как понимаю, нам сейчас ее искать не резон. Убьют на фиг вообще. Надо потом с пацанами сюда подъехать, перетереть. А сейчас валить домой.

– Вот так всегда, – завелся Леха, ощущая нездоровое возбуждение, близкое к куражу. – Собрались отдыхать, а чуть что не так пошло – сразу по домам.

– Хорошо тебе, Леха, кончай прикалываться, – одернул друга Миха. – Ты действительно на себя посмотри. У тебя глаз-то целый? А то я его вообще не вижу.

– Главное, чтобы я видел, – хорохорился Леха, неожиданно почувствовавший приступ головокружения и тошноты. – Один момент.

Он попытался найти поблизости туалет, но не успел, и его вырвало прямо в коридоре дома культуры.

– Ну ты, блин, даешь, – потянул его за руку Миха. – Да у тебя сотряс конкретный. Тебе сейчас отлежаться малек надо. Поехали потихоньку домой.

Кураж закончился, и Леха покорно последовал за заботливым другом.

Прощаясь у ближайшей остановки трамвая, брюнеточка поцеловала Леху в щеку.

– Отлежишься – заглядывай в гости. Вот мой телефон, – сказала девушка, засовывая ему в карман оторванную от сигаретной пачки фольгу с написанным на бумажной стороне телефоном и именем – Катя.

– На днях позвоню, – заверил Леха, ни на миг не сомневаясь в своих словах.

Дорога до дома была довольно долгой: шум дискотеки, подружки, кураж – все это осталось позади, уступив место появившейся боли. Дома родители испуганно суеились вокруг сына. А утром Леху увезла «скорая».

* * *

– Я понимаю, что он физически здоров. Но ведь вы сами должны понимать, что одна только контузия – это уже диагноз еще тот. А у него еще всего прочего на целый лист. Зрение едва восстановили. Нарушение работы нервной системы наверняка последствия даст – и хорошо, если только пониженный порог чувствительности. Я должен передать выписку в поликлинику по месту жительства, – объяснял заведующий отделением родителям одного из недавно выписанных из стационара пациентов. – Сколько ему времени потребуется, чтобы полностью восстановиться? А ведь еще не факт, что последствия некоторых травм можно вообще полностью ликвидировать.

– Мы все это прекрасно понимаем, – вздохнул отец. – Но и вы поймите – он собрался в армию идти.

– Куда? – вытаращил глаза заведующий.

Мать насупилась, бросила злой взгляд на мужа, будто говоря ему: смотри, мол, как умные люди реагируют, – но тот только досадливо поморщился. И она, вздохнув, пояснила:

– В армию. Так уперся, что ни в какую. И что на него нашло?!..

Врач удивленно покачал головой. Люди платят бешеные бабки, только бы откосить. У парня самый что ни на есть объективный повод, а он на тебе... Чудной какой-то. Впрочем, это не его дело.

– Может, оно и к лучшему, что диагноз такой? Будет где-нибудь в спокойном месте служить. – Врач пожал плечами, с интересом рассматривая посетителей, которые не искали возможности слепить диагноз, а, напротив, просили помощи в ликвидации истории болезни. И внезапно для себя решил, что денег с них, как первоначально собирался, он брать не будет (а что, и то и другое – должностной, так сказать, подлог, а потому плата «за риск» вполне допустима).

– Он не хочет в спокойном месте. Он хочет в такие войска, куда с вашими диагнозами путь заказан, – хмурясь, пояснил мужчина. – Так и сказал: «Идти туда, только чтобы «отбыть», смысла не вижу». – И хотя на лице его было скорбное выражение, врач почувствовал в голосе собеседника нотку мужской гордости.

– Может быть, мы как-то все же решим этот вопрос? – вторила мужу женщина.

– Ну хорошо, – после непродолжительного раздумья сдался заведующий отделением. – Только идя навстречу Виктору Сергеевичу, который попросил меня с вами встретиться. Давайте сделаем так. Вы сейчас напишете заявление о том, что вы просите выдать вам на руки историю болезни сына для передачи в поликлинику по месту жительства нарочным в связи с необходимостью срочно формировать медицинскую книжку призывника. Я оставлю это заявление у себя, а историю болезни отдам вам. Мы ведь, в конце концов, не в состоянии проверить, передали вы документы или они где-то затерялись. Но, надеюсь, запросов из военкомата к нам не будет. И напомним вам еще одно – последствия этой контузии, да и кое-каких других строчек из истории болезни еще проявятся. И каковы будут эти проявления, я не возьмусь предсказать. Просто не забывайте об этом.

Глава 2

Нахичеванский пограничный отряд встретил молодых бойцов температурой воздуха далеко за тридцать и беспощадным солнцем, от которого дорожки превращались в текущие потеки жидкого асфальта. Пыльный «ГАЗ-66» вкатил в ворота, отделившие всю прошлую Лехину жизнь от настоящего и будущего.

Учебка пронеслась как один кошмарный сон – тренировки, усталость, постоянное желание есть и спать... А потом появились «покупатели» и соблазнили Леху как одного из лучших курсантов учебки подготовкой в школе сержантского состава. С предвкушением интересного и неведомого Леха уехал с небольшой командой таких же, как и он сам, в Октемберян. И только оказавшись в школе сержантского состава, понял, что такое настоящие «тяготы и лишения». Учебка вспоминалась как отдых в летнем пионерском лагере. Но помимо трудностей Леха неожиданно обнаружил, что умеет... говорить с окружающими его людьми. Конечно, говорить умеют все; но Леха говорил так, что к нему прислушивались. Он редко ссорился, но шел при этом до конца. Его уважали даже сержанты учебных застав, призванные прессовать и вызывать самим фактом своего существования ненависть, которая часто и помогает людям преодолеть трудности. И еще Леха с удивлением чувствовал, будто все, чему его здесь учат, он уже откуда-то знает и умеет. Нет, не стрелять из автомата или наворачивать портянки. А... управлять людьми и принимать решения. И брать на себя ответственность за них. То есть он не мог сформулировать это, но чувствовал, что все это у него получается и что это именно то, что он умеет, и потому должен делать.

Возвращаясь в Нахичевань, теперь уже на одну из застав Нахичеванского погранотряда, Леха гордо нес на плечах лычки сержанта. Они действительно были наградой. Потому что «сержантов» по окончании учебки присваивают только тем, кто оканчивает учебку на «отлично». Остальные из учебки выходят младшими сержантами. А вместе с лычками в Лехиной душе поселилось ощущение, что вопреки некоторым проблемам и даже гордому нраву, чего в армии никогда особенно не любили, здесь ему легко. Но хотелось чего-то большего. И потому Леха выдержал жесткий прессинг командира учебной заставы, пытавшегося убедить курсанта-отличника остаться сержантом в учебке, и вернулся в свой погранотряд.

Юг покорила Леху, несмотря на внезапно вспыхнувшую под воздействием сотрясающих страну перемен неприязнь живущих там людей. Но чего стоил весь внечеловеческий мир юга! Огромные звезды, висящие в черном чистом небе так близко, что, казалось, протяни руку и коснешься. Громадная южная луна, наполняющая тело странной ликующей энергией. Тихие раздумья о вечности мира и бездонных глубинах времени при виде кровавого заката над черными зубцами гор. Писк фаланги и боевая стойка скорпиона, чьи предки бегали по этой земле еще в пору расцвета древних, давно исчезнувших цивилизаций. Сны о странном мире, населенном помимо людей множеством необычных созданий...

Вечерами, сидя в курилке или лежа в кровати, Леха размышлял обо всем, что увидел и узнал. И все больше склонялся к мысли, что контузия на самом деле не прошла даром. Только вопреки прогнозам доктора принесла не проблемы, а новые ощущения этого мира и людей, в нем живущих. Дни бежали стремительной чередой, наполненные службой, размышлениями и наслаждением миром. Лычки на его плечах сначала размножились, затем слились в одну широкую, а под конец службы и вовсе залили весь погон, развернувшись широкой продольной полосой.

– Ты что собираешься на гражданке делать? – поинтересовался капитан Кравцов, заместитель начальника заставы по боевой подготовке. – Там ведь теперь неспокойно. Союза считай уже нет. Кругом кооператоры, бандиты...

– А еще свобода, девчонки, буйство жизни, – продолжил Леха, весело улыбаясь. История учебки повторялась. Разговор о том, чтобы остаться на сверхсрочную, с ним затевали уже не в первый раз.

– Ты просто не представляешь, что там сейчас творится, – продолжал нагнетать Кравцов. – А тут у тебя все перспективы. Ты отличный спортсмен и лучший стрелок. Отличник боевой и политической подготовки... Словом, я тебя еще раз прошу подумать о возможности остаться на сверхсрочную. Я дам рекомендации. У нас как раз на заставе старшина собрался переводиться в отряд. Что скажешь?

– Я подумаю, товарищ капитан, но, если честно, мне хочется попробовать этой новой жизни, – честно ответил Леха.

– Это ничего, – не сдавался зампобою. – Можешь съездить домой, посмотреть, попробовать, а потом вернуться.

* * *

Поезд неторопливо тронулся, нехотя прощаясь с небольшим, утопающим в зелени вокзалом.

На вокзале южанки в слезах
Говорят: оставайся, солдат.
Но ответит солдат:
Пусть на ваших плечах
«Молодых» наших руки лежат.

Дембель из компании теперь уже бывших солдат Советской армии хрипло пел глуповатую и не слишком складную песню:

Уезжают в родные края
Дембеля, дембеля, дембеля.
И куда ни взгляни
В эти майские дни —
Всюду пьяные ходят они...

Дни были уже совсем не майские. Те, кому посчастливилось дембельнуться в мае, давно с головой окунулись в гражданскую жизнь, потихоньку отвыкая от дурдома армии.

За окном поезда, на удивление чистым, колыхался жаркий июльский вечер. Что ни говори, а и дембеля-шурупы, как презрительно называли служащих Советской армии пограничники, и стоящий в коридоре у окна старшина-пограничник, прилично задержались с возвращением домой.

Вокзал исчез в темноте за хвостом зеленой змеи поезда, а пограничник все стоял, задумчиво глядя в окно. Когда-то, двадцать лет назад, он уже был в этих местах. Правда, тогда всего лишь грудничком. Тем удивительнее было то, что он сохранил какие-то смутные и странные пятна детских воспоминаний. Отдал два года жизни этому дикому и прекрасному краю сейчас. Краю, где иногда при виде ночного неба или багряного заката в горах наваливался на него сонм видений, неясных, как отголоски многих прочих жизней, как те сны, которые в последнее время очень часто ему снились. Хоть книги пиши. Правда, вполне логичное объяснение всему этому у Лехи было – последствия травм, полученных до армии.

Чудная все-таки штука жизнь, сплетающаяся из ниточек событий – то разбегающихся прочь, словно навсегда, то вновь соединяющихся в тугую косе бытия.

За окном стало совсем темно. Это поезд добрался до приграничной зоны и мчался теперь вдоль узкой реки Аракс, несущей в Каспий грязно-бурые, непрозрачные воды.

Со стороны тамбура хлопнула дверь, и Леха обернулся на звук. Двое погранцов с короткими «калашами» обходили состав. Обычный наряд сопровождения поездов.

– Привет, брателло! – кивнул один из них, с лычками младшего сержанта на камуфляже. – Домой?

– Привет! – ответил Леха. – Домой.

– Пошли в шестой вагон? Там еще чеки домой едут, – предложил второй. – Чего тебе тут с шурупами маяться. С Нахичевани едешь?

– С Нахичевани, – подтвердил Леха, подхватывая свой «дипломат» и двигаясь вслед за нарядом. – С «Речника».

– Есть на свете три дыры – Кушка, Пришиб и Мегры. Бог собрал всю эту дрянь и назвал Нахичевань, – продекламировал младший сержант, переходя в следующий вагон.

– Скоро твою заставу проезжать будем, – не то спросил, не то констатировал второй. – Провожать будут?

– Не знаю, – пожал плечами Леха, хотя в душе немного боялся, что застава с мирным названием «Речник» проводит его темнотой. Он ведь сумел позвонить из отряда и передать через дежурного связиста, что едет на этом поезде сегодня.

В тамбуре стояли трое пограничников, чей вид явно говорил о том, что эти старательно натянутые и выгнутые фуражки покрывают головы уже гражданских людей. Служба для них осталась где-то в прошлом, как и для Лехи. С каждым перестуком колес то, что было для них важным, нужным и дорогим в последние два года, отступало все дальше, чтобы всплывать лишь в памяти да в бурных празднованиях Дня пограничника, отмечаемого ежегодно 28 мая в парках культуры, скверах и просто на улицах разных городов.

– Здорово, братуха! – Один из них, уже порядком захмелевший, поднял руки в приветственном жесте. – Ты откуда и куда?

– В Москву, – коротко ответил Леха, которому сейчас совсем не хотелось ни компании, ни «душевных» разговоров.

Ему отчего-то хотелось грустить и смотреть в окно на те места, куда он уже вряд ли когда-нибудь вернется. Поэтому, даже когда они вместе забурились в их купе, он почти не говорил, все больше слушая, вернее, вспоминая про себя. Лишь однажды глотнул водки из поданного новыми спутниками пластикового стаканчика и сразу показал жестом – мне больше не наливать. К нему особо и не приставали, возможно понимая и чувствуя что-то аналогичное, а может, просто решив – захочет, нальет сам.

– Брателло, твой «Речник» по ходу должен близко быть, – заглянул в купе младший сержант из наряда сопровождения поездов. – Тамбур открываем?

– Давай, – согласился Леха, с замиранием сердца ожидая последнего короткого свидания с заставой.

– О! Так ты с Нахичевани? – оживился невысокий круглолицый дембель. – А мы с Ленкоранского отряда.

– А чего через Ереван? – удивился Леха. – Баку-то ближе намного.

– Да мы там должны с двумя зёмами встретиться. Призывались вместе в Октемберян, а потом их в Лениканан распределили, а нас – в Ленкорань. Айда, братки, в тамбур! Пыхнем заодно.

Следом за Лехой и пограничником из наряда вся троица вывалилась в тамбур. В распахнутую дверь ворвался кажущийся густым воздух. Он еще не нес ночной свежести, но уже не был сухим и горячим, как несколько часов назад. Леха всматривался в освещенные окнами поезда и громадной южной луной окрестности. Погранец из наряда посторонился, пропуская его к самым поручням дверного проема. Леха одновременно узнал начало охраняемого его

заставой участка и увидел далеко впереди по направлению движения поезда луч установленного на платформу «ЗИЛ-130» мощного прожектора.

Т-образные столбы системы, лента «стиральной доски» профиля контрольно-следовой полосы, укатанная дорога перед зарослями камыша – все это день за днем он видел на протяжении полутора лет. Сколько сил, сколько мыслей и эмоций осталось здесь... Леха мог уверенно сказать, что в этих диких местах остался навсегда маленький кусочек его сердца. И это не было бы пафосным, пустым изречением.

– Вон они! – ткнул пальцем пограничник из наряда, первым заметивший вышедший на дорогу вдоль контрольно-следовой полосы наряд.

И тотчас, словно ожидая этого жеста, к небу взмыла осветительная ракета. Леха замахал рукой, радостно заорав. Позади него клич подхватили трое дембелей. Шарящий по земле луч прожектора замер, притаившись, как будто услышав этот клич. А через секунду качнулся, разворачиваясь и поднимаясь вверх. Возможно, вернувшись, наряды и получают нагоняй от беснующегося начальника заставы – капитана, не намного старше их самих. Но сейчас они проводжали товарища. Сейчас им плевать было на злобного капитана и правила светомаскировки. Ведь пройдет еще немного времени, и наступит и их час. Кто-то уже им отсалюует осветительной ракетой, а экипаж прожектора в их честь «поставит свечку», вздыбив без малого десять километров света к далеким звездам. А светомаскировка... Да иранцы и без этих проводов отлично знают, что и как на нашей границе – где какие наряды службу несут, где какие укрепления и постройки...

– Ух ты! – охнул круглолицый, не в силах оторвать взгляд от уходящего вертикально вверх четко очерченного луча на фоне черноты чистого ночного неба. – Вот вышел срок! Пришла пора! И дембеля кричат – ура!

– В последнее время реже стали это делать, – констатировал со знающим видом пограничник из наряда сопровождения поездов.

– Просто в последнее время дерут за это больше, – поддержал его один из дембелей. – Такая демаскировка начальнику заставы как серпом по яйцам.

– За такие проводы грех не выпить, – подвел итог круглолицый. – Пошли, земля, по пять капель накатим. Чтобы нас Москва хорошо встретила.

* * *

Леха никак не мог заснуть, мучаясь головной болью. Вернее, он было заснул, но какой-то бред, приснившийся уже в который раз, выбросил его из теплых объятий сна. Все вокруг крепко спали, как и весь небольшой провинциальный городок, в который приехали они целым табором проводить бабушек-дедушек, не видевших внука два долгих армейских года.

А приснился Лехе странный мир, где переплелись причудливо разные времена и события. Там шла какая-то война, там были друзья и враги, там был его дом... Именно этот мир с завидным постоянством снился Лехе в армии. И вот теперь он опять привиделся настолько четко, что хоть бери бумагу да описывай все. Еще бы умение складно излагать, и тогда только поспевай эти сны в книжки превращать.

Леха аккуратно прокрался мимо спящих кто где родных на балкон и, плотно затворив дверь, закурил. В небе, совсем близком, висела огромная желтая луна. Воздух, совсем теплый и густой, не нарушал ни единым дуновением ветерок. Почему-то вспомнилась армия, где все делилось на «свой – чужой». Много проще, чем в том мире, из которого он уходил в армию. А уж с тем миром, в который он вернулся, сложно было даже сравнивать. Все изменилось в корне. Былая могучая и несокрушимая империя рухнула, уступив свои территории анархии.

Сигарета истлела, обжигая пальцы. Леха отпустил ее в недолгий полет до земли, проводив рубиновую искорку взглядом. Постоял, размышляя, не раскурить ли еще одну, но, передумав,

мав, вернулся в квартиру. Стараясь двигаться бесшумно, он пробрался туда, где между двумя стоящими у противоположных стен кроватями уместилась его раскладушка. На одной кровати едва слышно похрапывал дед, на другой, свернувшись калачиком, крепко спала сестра-погодок. Проклиная скрипучую раскладушку, Леха устроился на своем ложе. Вздвогнув от скрипа, сестра проснулась.

– Мне страшный сон приснился, – прошептала она испуганно.

– Это только сон, – успокоил ее Леха. – Все хорошо, Лен. Все спокойно. И ночь чудесная сегодня. Как на юге, тепло. И луна.

– Все равно мне как-то не по себе, – ответила девушка, передернув, будто бы от холода, плечами. – Дай мне руку.

Леха лег на спину, протянув руку к кровати сестры. Ухватив его за пальцы, Лена успокоилась.

На этот раз сон не заставил себя ждать. Но не успел он полностью вступить в свои права, как толчок ужаса вновь прогнал его прочь. Только теперь Леха не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Лежа на спине, он чувствовал только, как кто-то, цепко ухватив его за затылок, вытаскивает... Паника захлестнула Леху словно девятый вал. Он ощущал себя совершенно беспомощным перед тем, кто вытаскивал его сейчас из собственного тела, как хищник черепаху из панциря. Он даже дышать больше не мог, замерев на вдохе. Только цеплялся, сам не понимая как, за свое тело, осознавая с отчаянием, что противник значительно сильнее. Он уже перестал видеть окружающее, несмотря на широко открытые глаза. Не зная того, кто схватил его, Леха ясно понимал, что это враг. Страшный для него враг.

Внезапно, когда уже все чувства, связывающие его с этим миром, исчезли, уступив место абсолютной тьме, хватка ослабла. Какой-то звук коснулся его сознания. Невнятный и едва различимый, но придающий ему силы бороться. И похожий на крик о помощи, привлекающий чье-то внимание. Требующий чьего-то присутствия и защиты. А то, что вцепилось в Леху, вдруг метнулось прочь, сразу разжав объятия. Леха упал назад в свое тело. Толчок был такой, что ему показалось, будто падал он с большой высоты.

– Алексей! Что с тобой?! Алексей! – Голос сестры ворвался в его сознание, будто вода через рухнувшую плотину.

И в ту же секунду Леха услышал свой жадный, судорожный вдох, как вдох ныряльщика, достигшего поверхности воды из последних сил, на самой грани, за которой уже не всплыть.

– О господи! – захрипел Леха, пытаясь приподняться и чувствуя, как не слушается еще его тело, словно затекшая в неудобной позе рука.

Зрение медленно вернулось, и он увидел испуганное лицо склонившейся над ним сестры и замершую на пороге маму.

– Ты что так нас пугаешь? – В голосе мамы сквозило беспокойство. – Тебе плохо было?

– Плохо... – ответил Леха. – Забыл, как дышать.

Он пытался шутить, но страх все еще холодил грудь, заставляя предательски обливаться потом. Да и как может быть иначе, когда тебя, уверенного в своих силах, хорошо тренированного и умеющего постоять за себя в любых условиях, вытаскивают, словно рыбу, попавшуюся на крючок?

– Ну ты меня и напугал, – пожаловалась сестра, возвращаясь в кровать и с опаской глядя на брата. – Я за руку тебя держала, а рука вдруг тяжелой стала, словно ты умер. И дышать перестал. Мне так страшно стало. Я думала... думала, что ты умер.

– Все кончилось, – успокоил ее Леха. – Все хорошо. Давайте спать. Завтра, если не забуду, все расскажу. Сон дурной был.

Мама ушла, погасив свет. Сестра вздохнула, устраиваясь в постели. Только дед продолжал мирно и тихо похрапывать, так и не оставив уютного сна.

– Лен! Ты спишь? – зашептал Леха спустя несколько минут.

– Нет еще, – ответила сестра.

– Слушай, Лен... – Леха замялся, но потом, решившись, протянул руку к кровати сестры. – Возьми меня за руку. Мне как-то не по себе сейчас.

* * *

МКАД, пустая в этот поздний час, послушно стелилась под колеса черного массивного «ауди» с наглухо тонированными стеклами. Алексей не спешил воспользоваться отсутствием оживленного движения и прижать педаль акселератора. Напротив, он катился размеренно и неторопливо – так пристало бы ехать водителю «баржи», как в народе прозвали детище дряхлого, но бессмертного ГАЗа. Он не хотел спешить, наслаждаясь комфортом машины и отдыхая от трудного плодотворного дня. Дела шли в гору с непоколебимостью товарного состава, и даже разразившийся недавно кризис не смог пошатнуть его рожденный еще на спуманте, «дольчиках» и «Распутине» бизнес. Сейчас он не торгует водкой и колготками, как когда-то. Теперь у него пара небольших по численности персонала фирм, занимается он, как и раньше, «всем на свете». Только теперь в это понятие входят строительство, игра с акциями и ценными бумагами, игровые автоматы, услуги населению...

Ему многие завидуют, считая свободным и независимым, умеющим почувствовать и ухватить лакомый денежный куш. Но разве может быть свободным и независимым человек, занимающийся в Москве бизнесом? У него отличная машина. Неплохая квартира и планы на загородный домик. Любимая красивая девушка Надя, мечтающая получить от него предложение руки и сердца... Только иногда вдруг оживает что-то в душе, словно память о том, чего никогда не было. И появляется едва преодолимое желание направить автомобиль в сторону от Москвы, куда-то неведомо далеко, где ждет его совсем другой мир. Мир, живущий в его снах, в бредовых фантазиях его отбитой в драках юности головы, в видениях, которые навевают ему вид полной луны.

Вот и развязка с Ленинским проспектом, а он, вместо того чтобы свернуть к центру, понесся дальше, в сторону Варшавки, словно замороженный видом огромного диска луны, заглядывающего в лобовое стекло.

Темно-красная подсветка приборов, опустевшая дорога, полная луна...

– Где-то в родне цыган затесался, – буркнул Алексей, нащупывая в нише плавно раскрывшегося на центральной панели бардачка пачку «Парламента».

Зипповская зажигалка сочно клацнула, почти как затвор легкого оружия. И пусть кто-то считает ее глупыми понтами. Плевать. Они не чувствуют спрятанной в ее простом стальном корпусе энергии бродяжьей судьбы, пользуясь пластиковыми технологичными зажигалками, не имеющими души. Огонек облизнул кончик сигареты, родив пурпурный уголек, почти повторяющий цвет приборной панели.

С правой стороны раскинулась тьма Битцевского парка. Руки словно самовольно повернули руль, заставляя «ауди» прижаться к обочине. Не глуша мотор, Алексей вышел. Выпускаемый струйкой дым завивался причудливыми кружевами, освещаемый светом луны. Что-то не позволяло Алексею вернуться в машину и продолжить путь. Щелчком он отправил недокуренную сигарету в сторону близкой тьмы парка. Какой-то неясный отсвет в том месте, где исчезла искорка летящего окурка, привлек его внимание.

– Это еще что такое? – пробормотал Алексей, перешагивая через низкий металлический парапет.

Ему показалось, что в темноте стоит огромное зеркало, тускло отражающее свет луны и фар редко проезжающих автомобилей или что-то еще. Он решил посмотреть поближе, тем более что свет луны всегда действовал на него успокаивающе.

Тускло мерцающий прямоугольник размером с хорошую квартирную дверь приближался, сбивая Алексея с толку. Теперь уже было совершенно ясно, что это вовсе не отсвет луны и не свет фар. Зеркало светило само по себе, спокойно и завораживающе. Впрочем, вблизи оно уже не выглядело зеркалом. Больше всего прямоугольник напоминал кусочек бездонного бассейна с подернутой рябью поверхностью воды, в глубинах которой неясно мерцала подсветка. Алексей приблизился на расстояние одного небольшого шага к прямоугольнику и осторожно заглянул за него. Там не было ничего. И даже больше...

Едва линия его взгляда оказалась позади мерцающей поверхности, как ее не стало. Темнота, освещенная лента МКАД, мирно стоящая у обочины «А8».

– Что за черт? – буркнул Алексей, отклоняясь и замирая перед мерцающим прямоугольником. – Похоже, я переработал.

Но вместо того чтобы отшатнуться и от греха подальше вернуться к дороге, как поступили бы большинство людей, он насупился и шагнул вперед, вплотную.

Юрий Николаевич, один из его замов на той фирме, которая занималась акциями, бывший историк, кандидат наук, называл это «комплексом ярла».

– Викинги говорили: «Ярл всегда садится за первое весло», – посмеиваясь, как-то сказал он на одной из корпоративных посиделок, когда основная масса народу уже набралась и разбрелась по темным углам с весьма прозрачными целями, – вот и вы всегда стараетесь первым сунуть голову в петлю. А зря. Сейчас уже не светлое Средневековье и никакому князю не требуется перед лицом дружины подтверждать доблестью свое право крови. Будьте проще...

Алексей покосился на него. Юрий Николаевич усмехнулся:

– Ну да, понимаю. Иначе не можете... А впрочем, может, на самом деле так и надо. Вон смотрите... – Он кивнул в сторону веселых коллег. – Я ведь к вам из «Розы ветров» пришел. Так там народ как наберется, лезет к начальству целоваться или, наоборот, жизни учить. А у вас вон никто особо не набрался, все прилично, а кто набрался – так тихонько в дальний угол отполз, дабы не мешаться. Чуют разницу.

– Какую? – не понял Алексей.

– В статусе, – пожал плечами Юрий Николаевич.

– В каком статусе? – развеселился Алексей. – Тоже мне князя нашли. Отец – офицер, мать...

– А не важно, – усмехнулся Юрий Николаевич, тоже переходя на полушутливый тон. – Первый Бернадот, например, тоже был сыном адвоката, а военную карьеру вообще начал рядовым. И ничего, стал королем Швеции. Династию основал, которая там и доньше правит. И неплохо, прямо скажем, правит. Коммунисты вон на закате своей власти в Швеции истинный социализм отыскивали...

Алексей тогда, помнится, плавно закруглил разговор, сочтя его пьяной болтовней выпившего интеллигента. Но потом задумался. И понял, что во многом Юрий Николаевич прав. Уж комплекс это или нет, но он действительно всегда первым, так сказать, лез в пекло. Может, потому и получилось у него выжить и выстоять в то буйное время...

Пытаясь рассмотреть что-то в танце света и тьмы, Алексей некоторое время неподвижно стоял перед прямоугольником. Затем осторожно протянул руку и коснулся ряби пальцами. Ощущение было такое, словно пальцы в самом деле погрузились в холодную воду. Даже круги по поверхности прямоугольника побежали от того места, где спокойствие поверхности было нарушено.

– Вроде и не читал ничего такого... – проворчал Алексей, осматривая свои пальцы. – Точно перетрудился. А может, это наши разработки? Малдера бы сюда...

Он даже сделал шаг назад, вытягивая шею и глядя в ту сторону, где у ясеновской развязки начиналась территория какого-то до сих пор секретного предприятия то ли гэрэушников, то ли

фээсбэшников, то ли еще какой конторы, коих, несмотря на развал СССР, в достатке осталось в отечестве.

– Нет, нашим слабб...

Он постоял некоторое время, пялясь в прямоугольник. Где-то в глубине мелькнула мыслешка, что это не его дело. Что лучше позвонить в, как говорится, компетентные органы – и пусть те сами разбираются. Но мелькнула очень глубоко. И не задержалась. Как это бывает с *правильными* мыслями, которые возникают под влиянием неких внушенных тебе правил, которые ты вроде как принял и стараешься соблюдать, но инстинктивно чувствуешь, что это *не твои* правила. А затем ШАГНУЛ...

Глава 3

Падение было коротким и безболезненным. Будто, выходя из дома, ты оступился на невысоком крыльце и упал на утоптанную землю двора. Вокруг не было видно ни зги. Алексей похлопал руками вокруг себя, пытаясь понять, что с ним только что произошло. Глаза постепенно привыкли, и оказалось, что тьма вовсе не крошечная. Он начал различать тяжелые стволы корявых деревьев, высящихся вокруг. Только не было ни звезд, ни луны, ни иных источников света. Не было рядом МКАД и верного «ауди». Не было мерцающего прямоугольника, через который можно было бы вернуться обратно.

– Ну наконец-то, – раздался ворчливый голос, и Алексей подпрыгнул от неожиданности. – Я уж думал, что ты никогда не решишься, господин.

– Кто здесь? – спросил Алексей, озираясь в поисках обладателя этого недовольного голоса. – Где вы?

– Мы? – удивился голос. – Никого, кроме меня, здесь нет. Уж я бы заметил, если бы кто еще тут оказался. Никого больше. Только я да ты, господин.

– А ты кто? – спросил Алексей, вдруг увидев неподалеку от себя невысокий, но широкий силуэт.

– Значит, ты и правда ничего не помнишь, господин? – проскрипел незнакомец, подходя ближе. – Я Оторок, твой слуга, господин. Твой верный слуга, господин. Возможно, даже самый верный...

– Ты уверен, что ни с кем меня не путаешь? – напрягся Алексей, подумав, что в этом темном лесу, похоже, встретил полоумного, тем более что разглядел в руках коротышки то ли большой топор, то ли секиру.

– Эта дверь была открыта только для тебя, господин, – с непоколебимой убежденностью ответил незнакомец. И продолжил, отчего-то противореча себе: – *Мы* звали и ждали только тебя. Жаль, что ты пока не помнишь ничего. Но *мы* все верим, что ты найдешь свою Суть. Ты должен вернуться и помочь *нам*.

– Хорошо. – Алексей примирительно поднял руки. Спорить с сумасшедшим, у которого к тому же топор в руках, явно себе дороже. – Я помогу. Только сначала мне надо найти мою машину.

– Ты не найдешь ее здесь, – усмехнулся незнакомец. – Она слишком далеко от нас.

– Я отошел от нее всего на несколько шагов, – возразил Алексей.

– Ты оставил ее в другом мире, господин, – терпеливо объяснил коротышка.

– В другом мире? – переспросил Алексей, панически соображая и боясь, что слова незнакомца могут оказаться нереальной реальностью. – И как мне вновь попасть в мой мир?

– Сейчас никак, господин, – покачал тяжелой головой незнакомец. – Портал закрылся. Амулетов для открытия нового у меня больше нет. Такого сильного колдуна, чтобы наворожить портал в тот мир, я нигде поблизости не найду.

– Мы что, не на Земле уже? – растерялся Алексей, вспоминая бесконечный сериал «Звездные врата», где герои перемещались по планетам через порталы и тоннели.

– Не на Земле? – невидимо улыбнулся в темноте его собеседник. – Если говорить о том, что имеют в виду там, где ты был последние тридцать лет... И да и нет... Я не знаю. Ведь я не мудрец Лабиринта. И хоть я довольно много учился, но устройство мира – не мой конек. Твоя машина может быть в двух шагах от тебя, но путь к ней длиннее кругосветного путешествия по той Земле, что ты имеешь в виду.

– Я уже ничего не понимаю, – обобщил свое состояние Алексей и, бросив настороженный взгляд на незнакомца, решился-таки: – Ты не мог бы объяснить подробнее?

– Я? Помилуй, господин! – воскликнул незнакомец. – Какой из меня учитель? Да и как можно здесь говорить на эти долгие и заумные темы? Не ровен час, кто-то из твоих врагов к нам пожалует. Я, конечно, побывал с тобой во многих переделках и даже битвах, но одних нас тут раздавят как комаров.

– Что будем делать? – спросил Алексей и, криво усмехнувшись, предложил: – Заскочим в ближайший «Макдоналдс»?

По его глубокому убеждению, все, кто ходит в эту *глобальную забегаловку*, уж точно далеко не в своем уме, так почему бы не присоединиться к собратьям по несчастью?

– Нам слишком много нужно сделать, господин, – сказал его собеседник, нисколько не обидевшись. – Ты ничего не помнишь и не вернул себе Суть и Форму. Пойдем найдем твой меч и соберем друзей. А я буду по пути рассказывать тебе все и обо всех, что буду вправе рассказать.

– Меч?.. – едва не поперхнулся Алексей и, бросив взгляд на топор в руках коротышки, замер, пораженный внезапно пришедшей в голову мыслью, а затем медленно кивнул: – Хорошо, идем. Если уж я куда-то попал и пока не могу отсюда выбраться, значит, у меня есть время спокойно во всем разобраться.

– Отлично, господин, – обрадовался коротышка, поворачиваясь. – Следуй за мной.

– Хорошо, веди. Да... Извини, но я забыл, как тебя зовут.

– Ничего, господин, это меньшее из того, что тебе предстоит вспомнить. Меня зовут Оторок.

* * *

Костер нехотя разгорался, нещадно дымя и плюясь искрами. Два человека устало сидели возле него, не обращая никакого внимания на этот дым и искры. И хотя на первый взгляд оба принадлежали к одному виду, в их внешности невооруженным глазом видна была разница между породившими их народами. Один, высокий и широкоплечий, был отлично развит и излучал силу и уверенность. Второй, почти столь же широкий в груди и плечах, казался непропорциональным уродцем из-за небольшого, а вернее было бы сказать, очень маленького роста, короткой шеи и мускулистых, жилистых рук с толстыми пальцами.

– Не пойму я тебя, – ворчал высокий. – То гнал меня, словно за нами стая волков охотится, то теперь сидим у костра, словно победители конкурса на самый заметный столб дыма.

– А ты не ломай голову, господин, – усмехнулся без тени издевки Оторок. – Мы ушли из плохого места и теперь находимся в хорошем. Тут нам можно и отдохнуть немного. А самое главное – мы ждем Зура. И это его охотничьи угодья сегодня. Оборотень хоть и чует за версту, но вдруг да и нет его сейчас поблизости. А на такой сигнал он просто не может не отозваться.

– Ты сказал – Оборотень? – переспросил Алексей, изо всех сил стараясь не удивляться. – У нас на заставе одного Гоблином звали...

– Это не имя, господин. Он прирожденный оборотень, хоть и молодой еще. А зовут его Зуром.

Алексей изумленно воззрился на карлика:

– Так что, оборотни существуют? Ты это хочешь сказать?

– Оборотни? Существует почти все, о чем рассказывают легенды и сказки твоего последнего мира. Хотя все совсем не так мистично и фантастично. Люди твоего мира, которых на самом деле не так уж и много, тоже живут в симбиозе с целой кучей различных существ. О некоторых знают, о некоторых нет. Но никто из них не задумывается о том, что их тело – дом для множества самых разных организмов. А у тех же вампиров симбиоз с микроорганизмами, обладающими мощнейшим иммунитетом, способностью к регенерации и восстановлению клеток хозяина. Поэтому вампиры никогда не болеют и, по меркам людей, бессмертны.

– Но они пьют кровь...

– Это по большей части выдумка писателей и молвы. Вампиры инфицируют укусом. Но при этом укушенный не умирает, а становится таким же. Это лишь способ сохранить свой вид.

– А серебро? Серебра они действительно боятся?

– Серебра боятся многие виды микроорганизмов. Попадая в кровь, серебро становится катализатором для реакций, ведущих к гибели живущих в теле вампира колоний симбионтов. И тогда вампир остается без защиты. Его собственная иммунная система недееспособна, он больше не в состоянии регенерировать и менять стареющие клетки. Но старость ему не страшна. Его уничтожат простейшие вирусы и микробы, для которых он превратился в сытный шведский стол. – Оторок поморщился.

– А солнце? – не унимался Алексей.

– Ты спрашиваешь, боятся ли они солнца? Нет. Это чистый вымысел. Хотя я допускаю, что среди них, как и среди других, есть особи с нарушенной пигментацией. Они вполне могут бояться солнечных лучей.

– Что, все так просто? – Алексей был даже разочарован.

– Просто? По-твоему, самые сложные метаболизмы слишком просты по сравнению со сказками и легендами?

– Для чего же вампиры кусают, если им ничто не угрожает?

– Любому живущему всегда что-то угрожает. Разве ты не понял это на собственном опыте? Ты не имел связи со своим реальным «я» и тем не менее был желанной целью для многих. Вампиры выживают. Их генофонд, в отличие от их иммунитета, постоянно слабеет, требуя новой крови извне. Чтобы не исчезнуть, они должны принимать в свои ряды новых воинов. Этого требует их симбионт.

Алексей задумался. И даже не столько над информацией о вампирах, сколько над тем, что имел в виду карлик, говоря о его собственном опыте. Что он имел в виду? Уж явно не разборки с бандитами или наезды конкурентов. Тогда что? Сны? Алексей тряхнул головой. Нет, размышлять об этом рано, и так вокруг много такого, от чего можно умом тронуться. Так что всякому овощу свой срок – пока надо просто тупо собирать информацию, а вот когда он узнает побольше...

– А оборотни? Что с ними?

– Все очень просто. – Оторок иронически усмехнулся. – Они обладают мощным механизмом физиологической мимикрии. И поверь мне, в отличие от того, что утверждается в легендах, их способности не передаются с укусом, как у вампиров. Оборотнем можно только родиться.

– Мимикрия? Как у хамелеона?

– Примерно. Только хамелеон меняет лишь цвет, а оборотень способен в кратчайшие сроки перестраивать организм, изменяя его биологические и физиологические способности и возможности.

Алексей наморщил лоб. Ничего себе, тупо собирать информацию... так, глядишь, выяснится, что маги и колдуны – это тоже не сказки и не бред психически неуравновешенных людей, да и эти, как их бишь, эльфы и гномы, также обитают где-то поблизости...

– У меня в голове сейчас полный хаос, – вздохнув, констатировал он.

Карлик усмехнулся:

– Ты хочешь услышать ответы на сложные вопросы. Но не все можно объяснить ребенку в двух словах. Я надеюсь, к тебе вернутся память и понимание, иначе процесс обучения и познания может стать бесконечно долгим и бесполезным.

Алексей вздохнул:

– Ты не представляешь, как я сам этого хочу.

– Спешу не торопясь. Я постараюсь рассказать тебе все, что знаю. Но не все сразу.

– Пой! – Алексей замер. Все время ему казалось, что в этом разговоре есть какое-то несоответствие. Нестыковка. И только сейчас он осознал, как складно, почти по-учительски Оторок прочел эту небольшую лекцию о новых для него видах жизни, о новом мире, который он всегда считал детскими сказками. – Симбионт, пигментация, мимикрия... Что это такое?

– Тебе неизвестны эти термины? – изумился в свою очередь карлик.

– Мне они известны, – нахмурился Алексей. – Только я универ закончил. И телевизор смотрю, газеты-журналы читаю. Но ты-то... э-э... – Он запнулся, подыскивая определение, которое не должно было обидеть этого ненор... не совсем обычного товарища, – невысокий воин с огромной секирой, откуда можешь это знать?

– Ох, господин, – покачал головой Оторок, – как же много ты забыл... Неужели ты думаешь, что в наших университетах учат только смешивать желчь летучих мышей с первой кровью девственницы и варить ее три дня на дровах из засохшего дуба с заброшенного кладбища?

– Ну... да, – растерянно отозвался Алексей.

– Да уж... – сокрушенно вздохнул коротышка. – Впрочем, ты прав, этому тоже учат. Взаимодействие тонких полей в такой формуле довольно интересно. А если получившуюся субстанцию обработать переменным магнитным полем второго порядка мощностью... м-м... не помню точно, кажется, в вашем мире единица измерения магнитной индукции называется гауссом... Так вот, если обработать субстанцию переменным магнитным полем с величиной магнитной индукции где-то два миллиона гауссов, или двести тесла, то получится кожный эликсир Крыгхата. В Балдуре такой стобит почти сотню золотых... – В глазах карлика мелькнули мечтательные огоньки.

Задать следующий вопрос Алексей не успел. Что-то мелькнуло в недалеких зарослях, и ему показалось, что у него дыбом встает шерсть на холке. Видимо, разговоры о вампирах и оборотнях действовали на психику. В голове мелькнуло подозрение, что Оторок рассказывал все это специально, чтобы запугать его.

– Не переживай, господин, – успокоил его Оторок, заметив, что Алексей передернул плечами. – Зур пришел и видит нас. Поэтому и показался. Иначе бы мы его даже не заметили. Ведь сейчас ты совершенно глух и слеп.

– А почему не выходит? – настороженно спросил Алексей, пропустив мимо ушей наезд на собственную глухоту. Два года на границе приучили его обращать внимание не только на следы на контрольно-следовой полосе, но и, скажем, на такие на первый взгляд незаметные и неосознаваемые вещи, как примятая трава, птичий гвалт, жужжание мух или тон журчания ручья, протекавшего неподалеку. Но к настоящему времени он уже прочно забыл, как это делается. Хотя, может, этот карлик имел в виду и что-то иное...

– Скоро выйдет. Он совсем молодой, поэтому много не видит или не понимает. Его насторожил твой вид, вот он и ходит вокруг. Присматривается.

– Ходит вокруг? Значит, он не только что подошел? – удивился Алексей.

– Нет, господин, – печально улыбнулся Оторок. – Пускай его. И сам убедится, да и какой-никакой опыт наблюдения.

Ветки хрустнули, и на поляну выбрался молодой парень. Был он тяжел с виду, мускулист и лохмат. Даже высокий рост не облегчал визуально его мощную фигуру. А черной гриве толстых, словно в конском хвосте, волос позавидовал бы любой зверь. Достигающие до середины лопаток, они дыбились львиной гривой, непокорно разметываясь в стороны. Распирающие кожаную рубаху узловатые мускулы вполне могли принадлежать привыкшему к тяжелой работе кузнецу. Черные глаза, темная кожа, крупные скулы делали незнакомца, по мнению Алексея, похожим на татарина. Только на очень большого татарина.

– Привет тебе, Зур! – кивнул Оторок, не поднимаясь со своего места у костра.

– Святыни оборотней! – воскликнул, забыв о приветствии, темноволосый. – Это ведь правда он? Что мы будем делать, Оторок?

– Господин не в форме. Но он не потерял слух и зрение, – строго нахмурился Оторок.

– Прости, господин, за неучтивость, – подобрался Зур, почти испуганно взглянув на Алексея. – Я забылся на мгновение. Будь здоров и обласкан Судьбой, господин.

– Здравствуй, – кивнул Алексей, поняв, что это было приветствие.

– Спокойно ли вокруг? – уже не так грозно спросил Оторок, продолжая, однако, хмуриться.

– Все спокойно до неприличия. И это тоже плохо. Лес затихает, когда по нему опасность идет, – смиренно ответил Зур.

– И то верно. Нас еще никто не побеспокоил, а это странно, – согласился Оторок. – Нужно идти дальше. Мы должны выбраться отсюда как можно быстрее. Ты достаточно отдохнул, господин?

– Послушай, Оторок, отдохнул-то я достаточно, – сказал Алексей, поднимаясь от костра, – и грибы были очень вкусными. У меня только один вопрос. Вернее, просьба.

– Любую просьбу, господин, – ответил Оторок, чуть наклонив голову.

– Знаешь, меня всю жизнь звали Лехой, Алексеем или Алексеем Борисовичем. Не мог бы ты выбрать одно из этих имен и перестать называть меня господином?

Зур усмехнулся, взглянув на невысокого крепыша, но тот ответил таким взглядом, что Зур мгновенно стер улыбку и отошел в сторону.

– Прости, господин. – Оторок улыбался, но по тону было понятно, что обсуждать эту тему он больше не собирается. – Ты позже поймешь значение выражения «всю жизнь» и увидишь, что я не могу звать тебя иначе. Поэтому не настаивай, а просто прими как должное.

– Ну что ж, – Алексей пожал плечами, – еще один повод с нетерпением ждать этого возвращения памяти, на которое ты надеешься. Мы идем?

– Идем, – кивнул Оторок и, повернувшись к оборотню, приказал: – Иди вперед.

Зур кивнул:

– Хорошо, гном.

После чего оба сделали первый шаг, не заметив, как у того, кого они называли господином, едва не отвалилась челюсть. Гном?!!

* * *

Тревога повисла в воздухе. Тьма ночи еще не обрела власти над землей, но и солнце уже скрылось где-то за невидимой в лесу линией горизонта. Поэтому вместо пестрого камуфляжа солнечных зайчиков лес заполнился длинными вечерними тенями, сплетающимися в густой сумрак.

За долгий день путники несколько раз останавливались. Дважды делали привал, чтобы подкрепиться грибами, ягодами да вяленным мясом и сыром, которые были заботливо уложены в котомке Оторока, а потом снова пускались в путь. Они шли и шли, а Оторок то ли не хотел говорить, то ли и сам не вполне знал, куда они идут. К исходу дня Алексей почувствовал себя выжатым как лимон, несмотря на свою, как он считал, весьма приличную физическую форму. К тому же его дорогие ботинки фирмы «Ллойд» здорово сдали за этот день пути по лесным тропам. Спутники его выглядели значительно лучше, а черноволосый и вовсе продолжал все так же легко нарезать большие круги, выполняя функции боевого охранения. И вот в один из таких заходов Зур учуял что-то тревожное.

– Что ты чуешь? – прямо спросил Оторок, заметив беспокойство оборотня.

– Не знаю пока, – ответил тот севшим вдруг голосом. – Кто-то идет впереди нас. Похоже на неприкаянных...

– Пусть бы, – нахмурился Оторок, отметив изменившийся голос, что было первым признаком готовности оборотня начать трансформацию. – Уж не неприкаянные ли тебя так взволновали?

– Вампира, кажется, чую, – пояснил Зур, беспокойно озираясь. – И еще что-то. На колдуна похоже. – Он замер и как-то совершенно по-волчьи втянул воздух широкими ноздрями. – Они приближаются. Наверное, нас уже заметили.

– Плохо, – коротко подытожил Оторок. – Что колдуну и вампиру делать с неприкаянными? Не по нашу ли они душу?

– Ничего, что я тут стою? – съязвил Алексей. – Может, начнете попроще изъясняться?

– Поздно... – захрипел Зур, торопливым рывком сбрасывая рубаху.

– Будет бой, господин, готовься, – забормотал Оторок, оттаскивая Алексея за дерево и скрывая его от невидимого пока наблюдателя.

Слыша краем уха слова проводника, Алексей не мог отвести взгляд от Зура. Уже сейчас он меньше всего напоминал того могучего черноволосого человека, каким был минуту назад. Впрочем, в мощи он не потерял. Наоборот, его, казалось, что-то распирает изнутри, меняя облик. Мускулы еще больше набухли. Череп деформировался, являя взору огромные клыки, достойные саблезубого тигра. Пальцы укоротились, выбросив мощные, крючковатые лезвия когтей. Сам Зур пригнулся, опершись на толстые, как колонны, руки и втянув голову в тяжелые плечи.

– Черт! Вот это компьютерные эффекты! – пробормотал Алексей.

– Не поминай... – одернул его Оторок, забыв даже добавить «господин».

– А что, он тоже может подскочить на вечеринку? – изумился Алексей. – Ты не шутишь?

– Вперед! Мы не сможем миновать их, господин, особенно если они охотятся на нас! – крикнул Оторок вместо ответа. – Единственный шанс победить и прорваться – это ударить, пока они не напали первыми!

И гном метнулся из-за дерева, вращая над головой секирой, как вертолет лопастями. Одновременно с ним прыгнул вперед и Зур. Испугавшись, что подведет спутников своей заминкой, Алексей устремился следом, с одной стороны, понимая, что безоружный и, несмотря на то что регулярно, пару раз в неделю, посещал довольно дорогой фитнес-центр, уже давно разнеженный достатком, он будет не слишком большим подспорьем для неожиданных соратников, а с другой – все равно ощущая некий знакомый по прежним поединкам азарт предстоящей схватки.

Алексей пробежал около сотни метров, прежде чем достиг поляны, на которой уже вовсю шел бой. Жуткий зверь, в которого превратился Зур, катался клубком, сцепившись с кем-то, судя по всему не уступающим ему в силе. Коротышка вяло размахивал секирой, отбиваясь от троих нападающих на него людей, вооруженных мечами. Нападающие подбирались все ближе и ближе, уже предвкушая скорую победу. А Оторок двигался будто вареный, едва шевеля своим грозным оружием. Он лишь кое-как успевал прикрываться широким лезвием, чудом отражая удары. В следующий миг Алексей догадался о причине этой медлительности. Чуть поодаль от места боя, всего в нескольких шагах от Алексея, стоял среднего роста худощавый человек в потрепанном грязно-белом громоздком балахоне. Одевание с глубоким капюшоном скрывало его от макушки до пят. Даже кисти прятались в просторных рукавах. Этот человек не торопился присоединиться к сражающимся. Он стоял, повернувшись в сторону Оторока, и делал руками сложные пассы, словно плетя паутину. Колдун!!! Алексей на мгновение замер. Но в отличие от оторопи, обрушившейся на него вследствие осознания того, что он идет куда-то вместе с гномом, эта прошла гораздо быстрее – от того, что в крови бурлил и пенился адреналин. А также от того, что, если дело обстояло именно так, как ему представлялось, именно этот колдун и был, похоже, самым опасным участником схватки. Поддавшись порыву, Алексей несколькими быстрыми, но бесшумными шагами преодолел разделявшее их расстояние и,

привычным движением сжав пальцы, коротко ударил в капюшон, целя в то место, где должен был скрываться затылок. Ощущения в кулаке подтвердили точное попадание. Балахон будто подкошенный рухнул в траву. И тотчас, сбросив невидимые путы, коротышка взорвался каскадом стремительных ударов. С троими нападавшими на него было покончено за несколько секунд...

Оторок стоял над трупами, опершись обеими руками на окровавленную рукоять секиры, достигающую его груди. А поодаль, возле поверженного врага, потягивался, расслабляя мускулы, Зур. С огромных клыков стекала кровавая пена.

– Ты успел вовремя, господин, – поблагодарил Оторок, с шумом переводя дыхание. – Еще бы чуть-чуть – и меня изрубили бы на мелкие куски. Колдун, похоже, видел нас давно и скрывался в зарослях.

– Что же это за колдун, если так легко достался? – спросил Алексей, осторожно сдвигая капюшон с головы распластавшегося у его ног колдуна. – Мне почти не пришлось ничего делать. Один удар – и все.

– Это сложно объяснить, господин, – пожал плечами Оторок. – Может, он совсем молодой и еще недавно был учеником. Недостаток опыта. А может, он тебя, так же как и Зур, просто не рассмотрел. В тебе ведь сейчас ни крупинки Силы. И потому для внутреннего зрения многих ты невидимка. А значит, чего тебя бояться... Неужели ты думаешь, что в нашем мире найдется много людей, готовых без оружия, защиты и навыков напасть на колдуна?

Капюшон сполз, открыв взору копну черных, как вороново крыло, волос, обрамляющих красивое, немного восточное лицо девушки.

– Святыни оборотней! – подал голос подошедший оборотень, который уже вернулся в человеческое обличье. – Да это же колдунья.

– Да уж, – нахмурился Алексей. – Не ожидал я, что придется так вот красивую девушку кулаком в голову...

– Вряд ли она испытала бы сожаление, прикончив всех нас, – возразил Оторок. – Колдуньи еще опаснее колдунов, господин. Им доступны некоторые заклинания, которые недоступны мужчинам.

Алексей метнул на Оторока неприязненный взгляд. По его правилам, женщин бить нельзя. Никогда.

– Она жива?

– К сожалению, да, – ответил коротышка, прослушав пульс. – Теперь надо что-то делать...

– Может, прикончить? – ощерился оборотень. – Одна только беда от нее нам будет. Помните мое слово.

– Что думаешь, господин? – спросил Оторок, внимательно глядя на Алексея.

Алексей смотрел на спокойное и даже по-детски наивное в беспамятстве лицо красивой девушки и размышлял над тем, как такая юная и очаровательная женщина может быть злобной и страшной колдуньей, даже в бессознательном состоянии пугающей его могучих и отважных спутников.

– Пусть живет, – решительно ответил он. – Мне кажется, что она не причинит нам больше зла.

– Дело твое, господин, – согласился Оторок, но по выражению его лица было ясно, что он сторонник варианта, предложенного Зуром. – Только с ней надо держать ухо востро. Мне кажется, что я ее раньше где-то видел.

– Мы ведь не знаем, кто они и что тут делают. Совершенно необязательно, что они охотились за нами, – уточнил Алексей. – А я так не знаю, какого черта сам тут делаю.

– Не поминай, господин... – начал опять Оторок, но Алексей бесцеремонно прервал его:

– А то что? Придет и утащит нас в свою преисподнюю? А мы где сейчас? Я большего бреда не видел. Я бесцельно иду куда-то по лесу с двумя спутниками, один из которых, как выяснилось, оборотень, а второй гном. Ты делаешь многозначительное лицо и при этом не объясняешь мне ничего, кроме какой-то ереси о вампирах и оборотнях. Похоже, ты и сам не знаешь, куда нам идти. А теперь мы еще и людей поубивали. И только потому опять, что тебе вдруг показалось, что они за нами охотятся. Да тебе, братец, в Кашенко надо. Там таких, с манией преследования, целая колонна. Дать тебе в руки барабан – возглавишь...

Алексей шумно выдохнул и замолчал, раздраженно глядя на стоящих перед ним спутников, готовый, если потребуется, отбиваться. После только что завершившейся схватки он был почти уверен, что с коротышкой справится. Вот только второй, превращение которого оказалось вполне реальным... Это тебе не пастушьи псы, которых как-то на Алексея, когда он служил в армии, натравили дикие азербайджанские чабаны. Тогда Алексей убил одного, а остальные не решились разделить его судьбу. Зур, превратившись, пожалуй, сможет славно поужинать Алексеем...

Но, к его удивлению (которое он, правда, постарался не показать), столь суровая отповедь подействовала на его спутников противоположным образом. Глаза гнома сверкнули радостью, а оборотень, наоборот, втянул голову в плечи и даже инстинктивно попытался отшатнуться, но, преодолев усилием воли этот порыв (Алексеем показалось, что он даже услышал, как заскрипели мышцы), все-таки остался на месте.

– Прости, господин, – все так же радостно сверкая глазами и отчего-то изо всех сил стараясь казаться при этом виноватым, развел руками гном. – Я смиренно прошу у тебя снисхождения. Ты прав, мы не знаем наверняка, кто это такие. Но рисковать до поры, когда ты обрешь утраченную связь с Сутью, было бы большей виной, чем напасть на невиновных. Я не знаю, куда идти, и знаю в то же время. Я иду, ведомый чутьем. Но куда приду и каковы будут двери, не ведаю. Знаю только одно: этот лес лишь малая прихожая в анфиладе залов, что нам дано пройти. И если мы не поторопимся, то тонкие нити, что потянутся к тебе от твоей Суты, станут слишком ярким следом для охотников. А воинство твое, хоть и осталось преданным своему господину, все же вряд ли ждет тебя так скоро. К тому же оно рассеяно по бескрайности миров. Поэтому у тебя, господин, нет сейчас иного пути, как довериться мне.

– Выбор есть всегда, – отрезал Алексей и замолчал, обведя строгим взглядом умолкнувшего гнома, отступившего в сторону оборотня и лежащую возле его ног девушку в бесформенном балахоне.

Ему срочно надо было хоть немного упорядочить тот хаос в голове, в который превратился окружающий мир, с тех пор как он сделал шаг в сторону от цитадели, коей представлялся ему сейчас «ауди». От цитадели, олицетворяющей всю его прошлую спокойную и понятную жизнь (каковую он когда-то считал, наоборот, крайне напряженной и беспокойной – о святая наивность...). И хотелось Алексею сейчас только одного – найти путь назад, в свой привычный мир, прочь из этого, где что-то может быть «большей виной, чем напасть на невиновных».

– Выбор есть всегда, – согласился Оторок. – Но иногда это выбор между тупиком и единственно верным путем. Путей всегда множество. И почти все они твои. И почти все они правильные. Но какой из них ты выберешь? Стоит сделать шаг – и выбранный путь станет твоей правдой. Но покуда этот шаг не сделан, ты в силах выбрать иной путь и иную правду. Мы в лабиринте, все коридоры которого ведут куда-то к истине...

– Блин, вот только проповеди мне не хватало! – не выдержав напряжения всего этого длинного и с ума сводящего дня, выругался Алексей. Но тут же взял себя в руки и, сделав глубокий вдох, покосился на лежащее у его ног тело. – Все, закончили дискуссию. Я уже нашел путь, немного отличный от того, которым идешь ты. Ты сам сказал, что у тебя нет ни амулетов, ни колдуна для открытия портала. – Он сжал кулаки и чуть согнул руки в локтях, стараясь проделать это незаметно. – А у меня есть... – Алексей примерился, как будет лучше отбить атаку,

если гном надумает зарубить лежащую на земле девушку. Гнома он сейчас опасался больше, чем оборотня. – Вот она. Тем более что ей доступны заклинания, недоступные мужчинам. Я сохраню ей жизнь и дам свободу, а она откроет мне портал назад.

– Она обманет, господин, – сказал Оторок спокойно, не делая даже попытки физически воспротивиться Алексею. Более того, в глазах его мелькнул страх. – Прошу, не делай этого.

Алексей замер, вглядываясь в гнома. Странно... он мог поклясться, что Оторок боится вовсе не за себя. Ибо этот страх в глазах был именно таким, какой возникает у взрослых при виде бегущего к дороге малыша.

– Зачем ей обманывать? – продолжал Алексей, всматриваясь в лицо Оторока. – Ее выгода от этой сделки очевидна. А вот твой интерес мне непонятен. Или ты все же знаешь, кто она?

– Я твой слуга, господин, такой же как и Зур, – покачал головой гном. – Я не ищу выгоды для себя. Я лишь вновь могу повторить, что воинство твое осталось верным своему господину. И мы тоже крошечная часть твоего воинства. Многие не смирились с поражением, господин. Ждут, чтобы ты вновь возвысился и занял достойное тебя место. Они уповают на твое возвращение.

– Так расскажи мне! – воскликнул Алексей, который почему-то вдруг поверил, что за шорами его памяти ждут своего часа совсем иные события в ином, сказочном мире.

– Я не могу, господин, – тяжело вздохнул гном. – Это ведь не амнезия от удара палицей. Это твой крест. Ты должен выбраться сам.

Алексей хотел было вновь в сердцах сказать «черт!», но почему-то удержал себя и вместо этого витиевато выматерился.

– Пути ты не знаешь. И что же мы будем делать? – сдался он. – Кажется, ты говорил про лабиринт без тупиков? А мир этот? Здесь просто лес. Без жителей, без городов, без чего-либо вообще. И это не тупик?

– Да, господин. – Оторок позволил себе ухмыльнуться. – Ты помнишь вращающиеся барабаны дверей в супермаркетах твоего последнего мира? В жизни часто бывает так же. Ты стоишь на одном месте, но это не тупик. Просто ты ждешь, когда появится дверь, через которую ты пойдешь дальше.

* * *

Костер весело трещал, щедро даря тепло и обманчивое ощущение уюта и защищенности. Алексей сидел возле заботливо перенесенной к костру и укрытой теплым шерстяным одеялом девушки, которая все еще не пришла в себя. Не то чтобы он не доверял гному, хотя оставить пленницу наедине ни с ним, ни с оборотнем не решился бы. Скорее Алексей чувствовал жгучие угрызения совести из-за того, что, сам не понимая причины, стал участником вероломного нападения. И не просто нападения – убийства спутников этой девушки, которая могла вовсе и не быть такой опасной колдуньей, как пугал его гном. В конце концов, именно они напали первыми, а девушка со спутниками всего лишь защищалась... Поэтому Алексей неотрывно смотрел на ее прекрасное лицо с восточными чарующими чертами и мысленно разговаривал с ней, рассказывая о себе и прося прощения.

– Ужин готов, господин! – подал голос Оторок.

– Я не голоден. Спасибо, – сказал Алексей, отрывая взор от пленницы.

Он скользнул взглядом по начавшей скрываться в сумраке поляне и вдруг заметил исчезновение тел погибших в недавнем бою противников. Вскочив, он осмотрелся внимательнее, но ничего указывающего на трупы или свежее захоронение не обнаружил.

– Оторок! Вы похоронили погибших? – спросил Алексей, подскочив к гному. – Они ведь совсем недавно были вон там...

Жуткая картина – пожирающий трупы оборотень и гном, жарящий на костре вырезку из убитых недавно путников, – неожиданно предстала перед его взором. И взгляд Алексея при этом был таким, что гном испуганно отшатнулся, подняв руки с двумя длинными прутьями с насаженными на них кусками сыра, солонины и какими-то листьями.

– Что ты, господин! – обиженно заговорил Оторок, как видно поняв, что пришло в голову господину. – Совсем, видать, ничего, кроме своего последнего мира, не помнишь. Лучше уж сгинуть в бесплодных рудниках, чем попасть в такой мир. Зур по округе рыщет. Охраняет. А эти... Здесь не бывает гниющих трупов, воронов, выклеывающих у павших на полях сражения глаза... Здесь все иное... Другое.

– Где они?

– Тыфу ты! – в сердцах сплюнул гном, ставя прутья на воткнутые у костра рогатки. – Они в другом мире... Я не смогу объяснить... В этом лесу, умерев, ты вернешься в какой-то иной мир. Не знаю, в какой, но совсем в другой. Будет больно... И свое предназначение ты в этот раз не выполнишь. Но твоё тело не останется гнить тут, среди деревьев, а твоя душа начнет новый путь. Когда это произойдет, не заметишь. Лежал убиенный тут, а в следующий миг уже нет тебя. Но самого этого мига никогда не углядишь – то отвлечешься чем-то, то моргнешь просто...

– Ты тоже умирал? – спросил Алексей, размышляя о том, стоит ли и этот рассказ гнома принять на веру.

– Так – да, – ответил гном, совсем успокаиваясь. – И не раз.

– А почему там по-другому? – спросил Алексей, нисколько не сомневаясь, что гном поймет, про какое «там» он спросил.

– Там многое кажется иным, – пояснил Оторок, передернув плечами то ли от воспоминаний о «наезде» Алексея, то ли от знания на своем опыте того, как здесь умирают. – Только там ты, родившись, не помнишь ничего и, умерев, не можешь вернуться вновь тем же, кем был, и к тем, с кем был.

– И вновь ты не сумеешь объяснить этот свой бред? – спросил без особой надежды Алексей.

Оторок кивнул:

– Прости, господин.

– Сам разберусь, – махнул рукой Алексей, возвращаясь к пленнице.

Успокоенный тем, что полоумный его спутник, по которому Кащенко плачет, не является, ко всему прочему, еще и каннибалом, он собирался вновь усесться на свое место, когда вдруг обнаружил, что девушки нет.

– Оторок!

Изумление и тревога в голосе бросили гнома к зовущему.

– Беда! – запричитал гном, поднимая шерстяное одеяло, словно под ним могла спрятаться пленница. – И пути не помогли! Беда!

– Ты же забрал ее сумку, – уточнил Алексей.

– Колдунья это, не колдун! – сетовал гном. – Она и без своих талисманов да снадобий опасна. У нее собственной энергии вдосталь. Беда!

– А Зур? Он не найдет? – спросил Алексей, почему-то совсем не испытывая ничего похожего на страх гнома.

Оторок покачал головой:

– Она ведь теперь прячется. Ее нам не увидеть. Даже если она не ушла совсем. А то, может, уже на помощь зовет. Беда! Уходить надо.

– Куда? Дверь-то в барабане супермаркета еще не открылась, – вдруг усмехнулся Алексей. – Так куда ты бежать собрался? Партизанить в этом лесу? Зови Зура ужинать. Нечего нам бояться боя, раз уж наши трупы не останутся гнить среди деревьев.

Гном с сожалением покосился на него как на несмышленища.
– Ох, господин, разве смерть – самое страшное?

* * *

Заросли расступились, выпуская Алексея на широкую поляну. И едва только он шагнул из глуши зарослей, как увидел высокое ночное небо. Именно высокое, несмотря на глубокую ночь. Над его головой огромным светящимся кругом сыра висела яркая полная луна. Ее свет делал видимыми и облачка, редкими клочками бегущие по небу, и верхушки деревьев, крепостной стеной окружающих поляну. На мгновение все замерло у него внутри, а затем волна эмоций, обрывков воспоминаний и несвязных образов обрушилась на Алексея, словно студеной вода, зачерпнутая в зимний день из колодца. Он остановился, отдаваясь этому чувству тайны полной луны. Неожиданно захотелось, как много раз раньше, расправить плечи еще больше, вдохнуть еще глубже, впустить в себя это волшебство лунного света и свободы ночного неба.

– Я оборотень, – с ужасом прошептал Алексей, чувствуя, как лунный свет уже струится по венам, наполняя тело силой и возбуждением. – Или вампир...

Тихий смех за его спиной, похожий на звук морозного ветерка, если бы ветер мог смеяться, не нес в себе ни капли насмешки или злой иронии. В нем было что-то столь же возбуждающее, как и в свете луны. Только смех этот не был бесполом. И звучал совершенно по-доброму.

– Так это все-таки ты. А я-то ломала голову, почему контракт был столь дорогим...

Голос не спрашивал, он утверждал, звучал так, что Алексей хотел бы его слышать снова и снова.

– Ты не оборотень и не вампир.

Она опять засмеялась, и Алексей про себя отметил, что, несмотря на неожиданность, даже не вздрогнул и не испугался.

– Так странно, я не чувствую ни крупницы твоей силы... – продолжала невидимая женщина бархатистым, волнующим голосом. – И похоже, ты меня действительно не помнишь. Жаль. Хотя... – она шаловливо рассмеялась, – в этом есть и свои плюсы...

Голос приблизился, лунный свет выхватил из тьмы точеную женскую фигуру. Она была невысока, тонка, но при этом мускулиста. Алексей был уверен, что именно так должна выглядеть богиня или жрица какого-то древнего культа. Нагая, она, облитая лунным светом, была настолько прекрасна, что Алексей не задумываясь пошел бы сейчас за ней куда угодно.

– Кто ты? – зашептал он, протягивая руку и боясь, что прекрасное ночное видение вдруг исчезнет.

– Я? – Колокольчик смеха зазвенел совсем рядом. – Раньше ты знал много моих имен. Зови меня Эльви сегодня.

Лицо и плечи таинственной незнакомки были скрыты искрящимся в лунном свете водопаде волос, но все остальное лунный свет бесстыдно и провоцирующе освещал, добавляя еще больше возбуждения к тому состоянию, в котором Алексей пребывал.

– Ты все так же теряешь голову от лунного света.

– Ты лучше лунного света, – прошептал Алексей, чувствуя, как неожиданно пересохло в горле.

– Красиво говорить ты разучился. – Эльви усмехнулась, одним движением преодолев разделяющее их расстояние. – Надеюсь, в остальном ты остался прежним?

Ее волосы и кожа пахли чем-то прохладным и легким, словно кора незнакомого дерева или неведомая трава. Этот запах Алексей ощутил одновременно с прикосновением, взорвавшим его напряженные до звона нервы. Он больше не контролировал себя, чувствуя все так

остро, почти болезненно, словно с него содрали кожу. Под холодным светом огромной луны они были похожи на двух диких зверей, сплетающихся в яростном буйстве желания. Эльви «победила», оказавшись верхом на распластанном Алексее, и, почувствовав, что он близок к финалу, ускорила движения, все сильнее прижимаясь к нему и выгибаясь. Водопад волос схлынул на спину, открывая лицо с огромными глазами и восточными чертами. Захлебываясь в коротких мгновениях оргазма, Алексей увидел лицо недавней пленницы, которая таинственно исчезла от костра. Это открытие нисколько не повлияло на его эмоции, на которые, впрочем, сейчас не смогла бы воздействовать и сама смерть. Расплющенный пережитым, Алексей лежал в душистой примятой траве, не понимая, где он находится и что происходит вокруг. Когда опустошение отступило, вновь впуская в его тело и душу звуки и свет окружающего мира, Алексей шевельнулся, словно проверяя, жив ли он еще и цело ли его бренное тело.

– Это был, наверное, лучший секс в моей жизни, – прохрипел он, с трудом выдавливая из себя слова. – Ты великолепна. Я отдал бы... – Неожиданно Алексей ощутил себя в одиночестве на этой лунной поляне. – Эльви! – поднимаясь на ноги, позвал он сначала шепотом, а потом все громче. – Эльви! Эльви!

Рядом хрустнула ветка, и в лунном свете появилась могучая фигура Зура. Оборотень был еще в человеческом облике, хотя по его движениям чувствовалось, что он нервничает и готов к трансформации. Он лишь бросил короткий взгляд на Алексея, метнувшись в сторону, словно охотничий пес, идущий по следу зверя. Ветви затрещали громче, и на поляну выбрался, тихо ругаясь, гном.

– Рудники преисподней! – ворчал Оторок. – Что ты тут делаешь, господин?

Алексей молча стоял под лунным светом, прислушиваясь. Но прислушивался он вовсе не к тому, что происходило на поляне. Он ни на миг не сомневался, что ни оборотень, ни тем более гном не сумеют найти ночную гостью. Он прислушивался к своим ощущениям, новым для него и пока не совсем понятным. Он знал, что никогда до этого момента не видел этой таинственной колдуньи. Но в то же самое время все его существо утверждало, что это не первый их раз. Вопреки логике, вопреки здравому смыслу он чувствовал, что когда-то и где-то они уже были вместе. Что-то шевельнулось в его памяти, словно светлое пятно, еще далеко, на самой границе восприятия...

– Что там? – спросил гном у вернувшегося оборотня, хотя и так все было ясно.

– Я не могу ее найти. – Зур пожал могучими плечами. – Она словно растворилась.

– Ничего, – успокаивал сам себя гном. – Она не звала на помощь и не сделала ничего враждебного. – Он покосился на Алексея и вздохнул. – Только вот силы получила большое множество. А вдруг она все же враг? Вдруг она попытается эту силу использовать против нас? Пойдем.

Оборотень сразу скрылся в зарослях. Оторок еще пару секунд помедлил, обернувшись к Алексею.

– Мы у костра, господин, – сказал он негромко, прежде чем последовать за оборотнем. – Возможно, это и есть предвестие открывающейся двери. Может, мы все-таки попадем в супер-маркет.

Глава 4

Серая прохлада лесного утра заставляла кутаться в походные шерстяные одеяла, цепляясь за теплые остатки сна. Костер едва тлел, уже не давая тепла. Тьма отступила, сменившись утренним туманным сумраком.

Неожиданно заворчал Зур, словно встревоженный сторожевой пес, поднимаясь и прислушиваясь к окружающему миру. Оторок, в отличие от Алексея, мгновенно стряхнул сон, оказавшись рядом с оборотнем.

– Что ты чувствуешь? – зашептал гном, согревая ладонями рукоять верной секиры.

– Ведьма близко! – рыкнул Зур, топорща гриву волос. – Очень близко.

– Она что, не скрывается? – удивился Оторок.

– Нет. Она совершенно открыта, – подтвердил оборотень. – Что мне делать, Оторок?

– Ничего! – неожиданно подал голос Алексей, который, проснувшись, слышал беседу. – Она же сама хочет, чтобы ее заметили. Неужели вы думаете, что, желая перебить нас, она пойдет открыто? Ты же говорил, Оторок, что у нее теперь много силы.

– Да, господин, – согласился гном. – Заставив тебя заняться с ней любовью, она получила очень много силы для ворожбы. Это одно из отличий колдуний от колдунов.

– Значит, она не хочет причинять нам вред. По крайней мере, сейчас, – продолжал Алексей, неожиданно представив, как какая-нибудь дряхлая ведьма, собравшись поколдовать, устраивает охоту на здоровых юношей. – Мы должны ее принять.

– Твоя воля, господин, – склонил голову гном, не находя повода возражать, но и не решаясь безропотно согласиться с тем, чтобы допустить ведьму так близко.

Словно услышав всю эту беседу, из туманной полутьмы появилась колдунья. Теперь она уже не была обнажена, как на лунной поляне прошлой ночью. Просторный балахон с глубоким капюшоном опять скрывал ее, не позволяя увидеть ни фигуры, ни лица. Но Алексей ни на мгновение не усомнился, что перед ним именно Эльви.

– Мир вам! – приветствовала она их чистым, сильным голосом, в котором не было и тени вражды.

– Здравствуй, Эльви, – ответил Алексей, чувствуя непреодолимое желание вновь увидеть ее лицо.

– И тебе мир, – эхом отозвались гном и оборотень без всякого энтузиазма.

– Я принесла тебе и дурную, и добрую вести, господин, – продолжила колдунья, не удостоив спутников Алексея даже взгляда и обращаясь только к нему. – С какой мне начать?

– Твое появление уже само по себе лучшая весть, – улыбнулся Алексей.

Словно прочитав его мысли, колдунья скинула капюшон, открывая прекрасное лицо и собранные в толстый, тугой хвост волосы.

– Ты начинаешь говорить значительно лучше, – улыбнулась гостья. – Верно, прогулка под луной пошла тебе на пользу. Так какую новость ты хочешь услышать первой?

– Тебе так важно мое желание? – спросил Алексей, любясь собеседницей. – Начни с плохой. Увидев тебя вновь, я легко приму любую дурную весть.

– Узнаю тебя бывшего, – вновь рассмеялась девушка. – Даже в преддверии смертного боя ты все так же готов быть отважно несерьезным. Но довольно прелюдий. Надеюсь, на них у нас еще будет время и место. Охотники идут по твоему следу. И они совсем близко. Их скрывают большие силы, но они уже в паре шагов от нас.

– Святыни оборотней! – воскликнул Зур. – Вот что не дает мне спать уже давно. Я чую их, только не могу разобрать. Все думал, пустые тревоги.

– Плохо дело! – поддакнул оборотню гном, вскидывая секиру на плечо. – Это для нас теперешних может быть последним боем.

– Ты ведь говорил, что смерти у вас тут нет, – повернулся к гному Алексей.

– А разве смерть самое страшное? – повторила Эльви вечернюю фразу гнома, только ее голос звучал почти нежно. – К тому же смерть здесь вполне возможна. Твой слуга просто многого не в силах рассказать, а еще большего не знает. Да и ты пока не поймешь. Здесь все не так, как в твоём последнем мире, и к тому же не столь однозначно.

– Это все философия, – нахмурился Алексей. – Так смерть здесь тоже есть? Такая или другая. Понятная мне или нет. Есть?

– Да, господин, – склонил голову Оторок. – Но мы будем биться!

Гном действительно выглядел сейчас весьма воинственно – с блеском обреченности в глазах, с готовой слететь с плеча секирой. Да и замерший рядом оборотень был уже в одном шаге от трансформации. Мускулы и вены его вздулись. Даже грудь раздалась еще больше, едва не разрывая кожаную рубашу. И хоть он пока был больше похож на человека, но уши уже по-звериному шевелились, ловя звук приближающейся опасности, а в уголке рта замерла капля слюны, предвещающая начало боевого безумия.

– Твои слуги отважны и полны готовности умереть за тебя, – промурлыкала колдунья. – Но они не сумеют тебе помочь в бою с таким количеством охотников.

– Так что, мы умрем? – спросил Алексей, удивляясь, что эта мысль сейчас его не слишком сильно взволновала.

– Все мы умрем, – улыбнулась Эльви. – Кто-то навечно, кто-то вновь и вновь. И ты умрешь, возлюбленный, только не сегодня.

– Возлюбленный? – опешил Алексей.

– Не придавай моим словам значения твоего последнего мира, – посоветовала девушка, – иначе ты не на той фразе сконцентрируешь внимание. Я хотела сказать, что в силах открыть тебе... дверь в супермаркет.

– В супермаркет? – вновь удивился Алексей.

– Она слышала каждое наше слово, – пояснил мрачно Оторок. – Она все время была рядом.

– Время истекает, – отрезала колдунья; нежное мурлыканье превратилось в уверенный, чистый голос, каким было произнесено приветствие. – Или мы уходим сейчас, или вы принимаете последний бой.

Говоря, она вскинула руку, сотворяя причудливые пассы. Второй рукой бросила камешек, вполне обычный с виду. Долетев до земли, камешек не отскочил, ударившись о поверхность, а канул, словно в воду. И тотчас, будто по воде, побежали по поверхности земли круги. А там, откуда эта круговая волна схлынула, оставалась гладкая поверхность, непрозрачно-черная, как лужа густой нефти. Только лужа эта имела правильную форму круга, и поверхность ее не нарушалась ни единой проплешиной ряби.

– Мы уходим! – скомандовал Алексей, приняв решение. – Что мы должны делать?

– Что делать? – удивилась было Эльви, но спохватилась, вспомнила о потере памяти Алексеем и сказала: – Просто уходить. Вот портал.

Она сделала приглашающий жест, указывая на блестящий круг на земле.

– И куда мы попадем? – очнувшись от изумления, спросил гном.

– Туда, куда он должен попасть. – Ее голос стал жестче. – Мне нарисовать для тебя карту? Впрочем, потеря одного гнома не нанесет никакого урона общему делу. Ты, Оторок, можешь остаться. Пойдем, господин.

И это «господин» прозвучало так чарующе, что Алексей без раздумий шагнул к кругу, еще не вполне представляя, как он это сделает.

– Просто прыгай, господин, – подсказал Оторок, беспрекословно следуя за ним.

Алексей прыгнул, словно в бассейн, солдатиком, устремляясь в черный круг. Он ожидал удара земли по ногам, но вместо этого провалился действительно как в воду. Вернее, это было

больше похоже на падение с одного этажа на другой сквозь отверстие, закрытое упругой мембраной. Легкое сопротивление, толчок, короткий полет с высоты пары метров. Алексей даже удержался на ногах, приземлившись на мягкий золотистый песок. Опасаясь попасть под падающих товарищей, он отбежал в сторону. И вовремя. Прямо в воздухе вдруг появился Оторок. Держа секиру обеими руками, гном рухнул в песок, подняв целый фонтан пыли и приложившись при падении лбом о рукоять своего оружия. Кубарем откатившись в сторону, он вскочил, почти испуганно озираясь.

– Ох, молот подземной кузницы, где мы? – крикнул гном, потирая лоб. – Горячий песок, как в преисподней.

– Подожди стенать, – оборвал его Алексей. – Шишки потрем, когда остальные нас догонят.

– И то верно, – согласился Оторок. – Что-то задерживаются.

– Может, не успели уже? И помочь ведь ничем не сможем, – занервничал Алексей. – Что же так долго?

Словно в ответ на его слова в воздухе появились друг за другом сразу два тела. Сначала оборотень, совсем уже не похожий на человека, перемазанный в крови и ревущий, как раненый тигр. И сразу же за ним вывалилась из ниоткуда колдунья и приземлилась на упавшего на четыре лапы Зура. Она была под стать оборотню – со стоящими дыбом волосами, вырвавшимися из хвоста, горящими яростью глазами и распластавшимся на ветру, словно крылья, балахоном да еще верхом на монстре, в которого превратился Зур, Эльви казалась истинным олицетворением неистовства боя.

– Слава богу! – воскликнул Алексей и заметил, как гном вдруг втянул голову в плечи. – Что?! Что опять не так, Оторок?!

– Не упоминай имен их! – рявкнул гном. – Радуйся и гневайся как-то иначе, господин! Мы не в том положении сейчас, чтобы призывать кого-то из сильнейших.

Алексей хотел было возразить, но увидел, что Эльви жестом поддержала гнома, и осекся.

– Твою мать! – в сердцах плюнув под ноги, выругался он. – И что мне теперь делать? Я не люблю мата, а невинные выражения из того мира тут просто неприемлемы. Что делать?

– Учиться! – усмехнулась колдунья, сбросив наконец маску ярости. – А на первый случай... в твоём мате нет ничего плохого, особенно если использовать его к месту.

– Вы так долго не появлялись, что мы успели здорово перетрусить, – сказал Алексей, глядя на колдунью. – Что случилось?

– Охотники оказались гораздо ближе, чем даже я чувствовала, – пояснила Эльви, поправляя волосы и отряхиваясь. – А Зур просто одержимый. Он первым понял, что враги уже пришли, и так быстро начал бой, что я не успела столкнуть его в портал.

– Так вы победили? – удивился Алексей, осматривая возвращающегося в человеческое обличье оборотня.

– Их нельзя было одолеть, – весело ответила Эльви. – Но очень сложно было заставить Зура отказаться от битвы и прыгнуть в портал. Я даже собиралась оставить его там, но стало жалко такого достойного воина.

Было заметно, что Зур горд столь лестным отзывом. Он стоял молча, немного смущаясь заинтересованных взглядов спутников.

– И что, он успел кого-нибудь достать? – с некоторой ревностью в голосе спросил гном, поглаживая рукоять секиры.

– Он устроил там такую мясорубку, что я смогла спокойно наложить запирающее портал заклятие, которое сработало сразу же после нашего ухода, – кивнула колдунья.

Зур, казалось, даже покраснел от похвалы.

– Хватит смущать парня, – вступил в разговор Алексей. – Ты молодец, Зур. Спасибо.

– Не за что, господин, – еще больше смутился оборотень. – Я рад, что удалось выжить.

– Я тоже рад, друг, – улыбнулся Алексей. – А где твоя рубаха?

Оборотень действительно был без рубахи и в обрывках кожаных штанов.

– Не успел снять, господин, – вздохнул огорченно Зур.

– Нам стоит продолжить путь, – предложила Эльви. – Цель близка, но еще не достигнута.

Идем.

И она зашагала по песку. Алексей собрался было спросить, какую цель она имеет в виду, но, увидев, что Зур и Оторок спешат за колдуньей, оставил свой вопрос на потом.

* * *

– Ты... мм... волшебница, – ему отчего-то расхотелось называть ее колдуньей, – тем не менее нам приходится жариться в этой духовке и месить песок на пути к какому-то оазису, – хрипел Алексей, в очередной раз поднимаясь после падения в сухой, горячий песок. – Почему бы тебе просто не перенести нас туда, куда мы должны попасть?

– Если бы я могла щелчком пальцев избавить нас от нескольких часов пути, поверь, я давно сделала бы это, – фыркнула колдунья. – Магия – это не возможность делать все, что тебе ни пожелается. Это возможность делать *нечто*, что без магии сделать либо гораздо труднее, да и то только с помощью многолетней работы тысяч и тысяч людей и с использованием каких-нибудь сложных, дорогих и громоздких устройств, либо вообще нельзя. Но у магии есть свои законы и свои ограничения.

– Я вижу! – возопил неожиданно оборотень, который и теперь чувствовал себя лучше остальных. – Или это всего лишь мираж?

Он стоял на гребне высокого бархана, указывая куда-то рукой. Кое-как забравшись наверх, Алексей увидел то, что взбудоражило Зура. Довольно далеко еще от них, дрожащий в горячем воздухе, виднелся зеленый остров в океане песка. Но не оазис зеленой свежести взволновал Алексея и не искрящиеся пятна воды, заключенной в стены то ли бассейнов, то ли фонтанов. Множество построек, в основном каменных, словно кости домино были причудливо раскиданы там и здесь. Но лишь одно строение сейчас притягивало к себе все внимание. Над зеленью садов, над бассейнами и домами высилось величественно и весомо гигантское строение, почти равное по размерам египетским пирамидам. Среди окружающих построек было немало больших зданий, но все они лишь подчеркивали величие этого основного.

– Ух ты! – вырвалось у Алексея. – Это они у наших египтян научились строить?

– У ваших египтян? – переспросила Эльви, вновь не сразу поняв смысл сказанного. – Нет. Это не копирование. Перед нами одно из самых милых в прошлом твоему сердцу мест. Перед нами славный и священный город Абидос. Именно сюда я и должна была тебя доставить, господин.

– Должна была доставить? – переспросил Алексей, пытаясь вспомнить, где слышал название Абидос. – Кому должна?

– Тебе должна, – лаконично ответила колдунья. – Там, на поляне, ночью, я увидела отсвет твоих видений, прежде чем вышла к тебе.

– И что же это были за видения? – удивился Алексей, забыв про Абидос и пытаясь теперь вспомнить свои мысли и ощущения в ту волшебную ночь.

– Это было не то, что ты сейчас пытаешься вспомнить, – улыбнулась девушка, легонько касаясь тонким пальчиком его виска. – Этого ты не вспомнишь, это всего лишь отсвет... Я узнала только потому, что много раз была здесь с тобой.

– И что мне теперь делать? – задумался Алексей.

– Оставить мучительные попытки вспомнить все сейчас и сразу, господин. Ты должен просто плыть по течению и ждать. И тогда единство с Сутью само придет, – пояснила Эльви. – Пойдем. В Абидосе тебя наверняка еще не забыли.

Они двинулись в сторону зеленого оазиса. Притихшие гном и оборотень торопились следом. Солнце щедро заливало все вокруг ярким светом. И залитый этим светом оазис с величественными зданиями, утопающими в буйной зелени, казался сказкой. Словно бы и не было вокруг бескрайних безжалостных песков, способных разделаться с заплутавшим путником. Воистину сказочный цветущий оазис в пустыне, все более прекрасный, чем ближе они к нему подходили.

Неожиданно с неба послышался тихий, но быстро нарастающий звук. Словно посвистывали огромные лопасти, рассекая воздух.

– Осторожно! – воскликнула колдунья, предупреждая указывая на что-то высоко вверху. – Не делайте резких движений. Страж прилетел. Пока один. Но и один он много сильнее, чем мы сейчас. Оторок, поверь, не время махать секирой.

Путники задрали головы, пытаясь хоть что-то рассмотреть сквозь слепящие лучи стоящего в зените солнца. Поначалу ничего увидеть не удалось, но внезапно гигантская тень заслонила пылающий диск светила. В следующую секунду прямо перед путниками, вздыбив целый фонтан сухого песка, опустился огромный зверь.

– Это же... это же... – опешил Алексей, рассматривая зверя.

– Грифон, господин, – кивнула Эльви.

Это, несомненно, был грифон, только немного не такой, каким представлял его себе Алексей, видевший красивый рисунок еще в детстве на бабушкиной старинной швейной машинке «Зингер». У приземлившегося на вершину бархана зверя были четыре мощные лапы, вооруженные острыми саблями когтей, и огромные крылья на здоровенной холке. Еще, в полном соответствии с той старой картинкой, настоящий грифон щеголял массивным, тяжелым клювом. Но этим сходство и исчерпывалось. Живой грифон не обладал телом льва с крыльями и головой орла. Он выглядел совершенно цельным и органичным зверем. Золотисто-песочная шкура, лоснящаяся и сверкающая в лучах солнца, покрывала его с ног до головы. И никаких перьев. Даже крылья состояли из гибких перепончатых секторов, отдаленно напоминавших крылья гигантской летучей мыши, весьма отдаленно, впрочем... Длинная шея бугрилась мускулами, как и все тело летающего монстра. Тяжелый хвост, более всего похожий на крысиный, имел толщину в руку взрослого мужчины. Сейчас он извивался из стороны в сторону подобно хвосту нервничающего кота. Но Алексей с интересом рассматривал туловище зверя только до тех пор, пока не увидел глаза. Большие, наполненные разумом, они смотрели на путников так пронзительно, словно могли разглядеть каждый потаенный уголок их рассудка.

– Почему он так смотрит? – заволновался гном, боясь отвести взгляд от глаз огромного зверя. – Что ему от нас надо?

Оборотень стоял неподвижно и безмолвно, лишь пригнувшись и набычившись, будто в ожидании нападения. Колдунья смотрела на грифона с легкой, похожей на дуновение ветерка улыбкой, как на старого знакомого, который исполняет необходимый ритуал. Впрочем, для нее это именно так, скорее всего, и было.

– Не трясись, Оторок, он не причинит тебе никакого вреда, если только ты сам не несешь опасности, – ответила колдунья, даже не взглянув на гнома.

– А откуда он узнает, что я не несу опасности? – не унимался гном.

– Он узнает, – заверила Эльви. – Он видит сейчас много больше, чем можем увидеть мы сами.

Грифон остановил взгляд на Алексее. Тому показалось, будто что-то зашевелилось в голове. Перед мысленным взором поплыли неясные образы. В ушах зазвучали звуки. Мерцание огней, дворцы и земли, звон оружия и крики людей, хор, более всего похожий на церковное песнопение. Образы неясные, словно скрытые полупрозрачной пеленой. Алексей даже закрыл глаза, пытаясь разглядеть, понять, запомнить... или вспомнить то, что видимо было грифону в его голове, но не видимо ему самому.

Неожиданно калейдоскоп видений прервался, песок за клубился вокруг путников, и, открыв глаза, Алексей успел заметить лишь быструю тень, скрывшуюся в пронизанной солнцем выси.

– Фу! – облегченно выдохнул гном. – Я здорово перенервничал, пока этот монстр размышлял, не отобедать ли нами сегодня.

– Вероятно, в твоей душе много темных пятен, Оторок, раз ты так трепетал под взглядом грифона, – усмехнулась колдунья. – Прямо скажем, если это так, этот мир не для тебя.

– Это почему же? – обиделся гном.

– Здесь многое реагирует на то, что ты скрываешь. Даже если ты прячешь это и от самого себя, – пояснила Эльви, с любопытством глядя на Алексея. – Ты ведь что-то увидел, господин?

– Почему ты стала называть меня господином? – вопросом на вопрос ответил Алексей. – Мне казалось, что ты говорила об иной роли в наших прошлых посещениях этих мест.

– Нет, господин, – девушка улыбнулась, – в моих словах нет никаких расхождений. Ничто не мешает тебе быть для меня и возлюбленным, и господином. А в этом мире именно так было. Зачем мне говорить неправду, если ты стремишься объединиться со своей Сутью? Ты все равно все вспомнишь.

– Надеюсь, это все же произойдет, – согласился Алексей, размышляя над тем, что теперь воспринимает происходящее на удивление спокойно, хотя каким-то кусочком сознания все еще надеется очнуться рядом с сыто урчащим «ауди».

– Пойдем, господин, – предложила колдунья. – Грифон пропускает нас в священный Абидос. Мы поднимемся на одну ступень в твоих воспоминаниях. Мне очень интересно, что влечет тебя сюда.

– Может, нам попытаться спросить у грифона? – пошутил Алексей. – Мне показалось, его взгляд что-то взбаламутил в моей голове.

– Хорошая идея, – поддержала шутку Эльви. – Ты мог бы отправить Оторока к логову грифона. Пусть поговорят по душам.

Гном, шагавший позади всех, только неопределенно фыркнул. Он необычайно серьезно воспринял слова Эльви об этом мире, где никогда раньше не бывал. Теперь он монотонно шагал, пытаясь отыскать в своем прошлом те самые темные пятна, за которые его могла постигнуть здесь страшная кара. И оттого, что ничего не находилось, спокойнее Отороку не становилось. Ведь не напрасно колдунья сказала: даже если прячешь это от самого себя...

* * *

Свежесть открыла путникам обаятия, едва они миновали невысокую каменную стену, символически олицетворяющую собой границу города-оазиса. Сады среди пустыни. Царство воды – журчащей в искусственных ручьях; играющей солнечными бликами во множестве бассейнов, отличающихся друг от друга формой, глубиной и размерами; потоками низвергающейся с искусно выложенных маленьких и больших уступов. Мощенные плиткой дорожки, стены построек, отделанные розовым порфиром, светлыми сортами гранита и отполированным и расписанным камнем. На улицах почти не было людей, а те немногие, кто по каким-то неотложным делам был вынужден выйти под палящее солнце, не обращали никакого внимания на измученных и грязных путников. Видимо, в этом городе полностью доверяли прозорливости стражи, охраняющей все подступы от дурных людей. Лишь один человек, облаченный в длинные белые одежды, скрывшись под сенью пальм, явно ожидал именно их. Это было ясно и по взгляду, которым встречают долгожданных гостей, и по улыбке, одновременно почтительной и радушной.

– Пусть благословенны будут ваши дни, – обратился он к Алексею со сдержанным поклоном. – Вы вновь удостоили нас чести своим пребыванием на священной земле Абидоса, господин. Вижу, дорога не была легкой.

– Спасибо. – Алексей растерялся, не зная, как следует отвечать.

– Господин потерял частично связь с Сутью, – вступила в разговор Эльви. – Будь благословенен ты, как и ваш священный город. Нам нужна помощь Абидоса. Впрочем, мы не в первый раз приходим сюда за Силой.

– Мы все будем счастливы, если сумеем вновь помочь. Сейчас вам нужно дать немного отдохнуть своим телам, прежде чем искать источник пополнения Силы. Следуйте за мной. – Вновь поклонившись, встречающий поспешил в сторону центра города.

– Почему он нас ждал? Откуда знал, что мы войдем в город? – спросил Алексей у Эльви, стараясь говорить как можно тише. – И как он узнал, кто я? – «Понять бы это мне самому!» – Мне говорили, что я... это... как бы неузнаваем для окружающих.

– Это просто, господин, – пояснила с улыбкой девушка. – Во-первых, мы слишком много шумели. Портал хоть и был открыт довольно далеко, зато без всяких маскирующих заклятий. Во-вторых, мы сами, поверь, пока отчетливо видны для тех, кто умеет видеть. А тот, у кого есть подобные сопровождающие, уж точно заслуживает внимания. Ну и от взгляда стража твое истинное лицо не укроется даже в отсутствие связи с Сутью.

– Может, я был здесь королем или этим... фараоном? – спросил Алексей, ломая голову над своей ролью во всей этой сказке.

– Нет, господин, – рассмеялась девушка. – Фараонов здесь своих хватает. Хотя ты здесь в почете. Но вовсе не как владыка, а как добрый друг и надежный союзник.

– Послушай, – не унимался Алексей, – мне казалось, что Абидос – это из Древнего Египта. Ну плато Гиза, Луксор, что там еще... Мне в агентстве туристическом предлагали.

– Древнего? – Не удержавшись, Эльви прыснула в кулачок, чуть ли не насмешливо глядя на Алексея. – Это опять знания твоего последнего мира. Если говорить его языком... Луксор примерно в... ста восьмидесяти километрах к югу отсюда. А плато Гиза, где есть большой источник Силы в храме долины, отделяет от Абидоса немногим более того. Что же касается древности... Если ты закопаешь сегодня монету в этом прекрасном саду, возможно, ее найдут в твоём времени твоего последнего мира и причислят к древности, отстающей от них почти на тридцать пять веков. Кто знает. Забудь о том, что ты знал в последнем мире о времени, жизни и смерти. Забудь как можно больше, иначе тебе будет сложно отыскать связь со своей Сутью.

– Я так и не понял одного, – вспомнив свой вопрос, повторил Алексей. – Оторок говорил, что я невидим для многих, и даже ты не сразу узнала меня. Почему здесь меня узнали и встречают?

– Ты можешь быть невидимым для Оторока, неузнаваемым для Зура или для меня. Но, как я уже сказала, грифон видит то, что не видит никто из нас. А этот помощник хранителя просто получил знание о твоём приходе от стража. Хранители должны знать, поэтому грифон и открыл им того, кого увидел.

Алексей хотел было спросить еще что-то, но в этот момент их гид остановился, предлагая жестом войти в одно из больших, богато украшенных строений.

– Вам необходимы отдых, вода, дабы привести себя в порядок, и пища, дабы утолить голод. Здесь вы найдете все. А когда ваши физические силы будут восстановлены, мы поговорим о том, как помочь вам в остальном.

* * *

Алексей лежал в отделанной мрамором ванне, куда красивая бронзовокожая девушка время от времени подливала горячую воду. Вернее, это была даже не вода, а какой-то восхи-

тительный по аромату тонизирующий состав с плавающими в нем лепестками цветов. Вторая девушка, столь же очаровательная и юная, сидела в данный момент в ванне позади Алексея. Обнаженная, она старательно разминала каждый мускул на его спине.

– Да-а-а... – блаженно протянул Алексей. – Много я пробовал всяких вещей вроде тайского или турецкого пенного массажа, но это просто волшебство.

Когда она только появилась, Алексей, уже успевший забраться в ванну, едва не выпрыгнул обратно и не помчался к ониксовой лавке, на которой лежало что-то вроде банной простыни. Но девушка никак не отреагировала ни на его смущение, ни на его суматошные порывы. Она просто подошла и молча принялась за дело. И он потихоньку успокоился. Иной мир – иные нравы...

– Ты очень напряжен и скован, господин. Твой разум не дает твоему телу по-настоящему расслабиться и отдохнуть, – не прекращая массаж, посетовала девушка. – И ты, наверное, очень долго путешествовал.

– Почему ты так думаешь? – удивился Алексей.

– Твое тело давно не знало должного почитания, – пояснила девушка, перебираясь вперед и начиная делать массаж ног.

От ее движений и вида юного, сильного тела Алексей неожиданно возбудился – вопреки всем своим попыткам держать себя в руках. Заметившая это девушка отреагировала не так, как он опасался. В ее глазах появились озорные искорки, и она начала все более откровенно касаться его уже не только сильными пальцами.

– Что значит – не знало должного почитания? – спросил Алексей для того лишь, чтобы поддержать разговор, и понимая, что еще пара-другая касаний юной девушки – и он просто накинется на нее в этой же ванне. Тем более что она явно была не против.

– Это значит, что ты, господин, волосат, вонюч и обладаешь неухоженной кожей, – раздался насмешливый голос за его спиной.

Он улыбнулся, понимая, кому принадлежит этот голос. И тотчас, подчиняясь полученному от вошедшей знаку, девушка выскользнула из ванны. Алексей уловил легкий шелест ткани за спиной, звук упавшей на пол заколки, а в следующую секунду тонкие пальчики, не уступающие по силе пальцам юной массажистки, коснулись его плеч.

– Ты можешь владеть любой женщиной, мой возлюбленный господин, – зашептала ему в ухо Эльви. – Если захочешь, я верну эту хорошенькую девочку. Но если ты мне позволишь, я не разочарую тебя.

Гибкое тело змеей скользнуло из-за спины Алексея вперед, ни на секунду не разрывая связи с его телом. И вновь, как недавно на лунной поляне, он почувствовал, что теряет голову от ее вида, ее прикосновений, ее голоса...

– Ты колдунья, – прошептал он хрипло, сжимая Эльви в объятиях так неистово, будто хотел задушить.

– Колдунья, – согласилась она, смеясь. – Но не отваром твоё желание крепнет.

Он почти грубо взял ее, ощущая, как она отдается ему каждой своей клеточкой. Вода хлынула за края ванны, расплесканная бьющимися в яростной страсти телами. Весь мир сжался, уместившись для Алексея в этой женщине. Весь мир, владыкой которого он сейчас был. Возлюбленным господином...

Глава 5

Проснувшись, едва забрезжил рассвет, Алексей открыл глаза и повернулся, поудобнее устраиваясь на роскошном ложе. Он чувствовал себя великолепно – выпавшимся и отдохнувшим. Вчерашний ли массаж и ванна были тому причиной (а также то, что за ними последовало), либо что-то иное, но голова была ясной и светлой, а мысли четкими и прозрачными как никогда прежде.

Некоторое время он лежал, размышляя надо всем, что с ним произошло. Что же это за мир, в который он попал? Мир, из которого Москва, Россия, да и вся Земля представлялась всего лишь маленьким захолустным уголком. Где гномы оканчивали университеты, в которых учили смешивать желчь с кровью девственниц и обрабатывать их мощным переменным магнитным полем. Где существа, разбирающиеся в природе вампиров, в особенностях генетического кода и механизме трансмутации оборотней, оперируя терминами, которые считались в мире Алексея вполне научными, при этом вполне серьезно предостерегали его от даже всего лишь упоминания всуе имен Господа и противника Его.

И еще здесь была Эльви...

Алексей сладко потянулся. Эльви. Он еще не знал женщин, подобных ей. Среди множества женщин, которые встречались на его пути, были разные. Добрые и стервы. Независимые и прилипчивые. Знающие себе цену и согласные на все. Большинство из них хотели от него только одного... в разных вариациях, конечно. Жить за его счет. Некоторые прямо заявляли: я, мол, девушка современная, продвинутая, поэтому «запереть себя на кухне» не позволю, стирка-глажка также не для меня, да и о пеленках-погремушках я думать пока не хочу, и вообще, главное – самореализация и «духовная общность». Так что все, на что он, Алексей, может рассчитывать, – это глубокое внутреннее удовлетворение от того, что он является бойфрендом (а лучше мужем) столь современной и продвинутой девушки, ну и на секс время от времени. При этом пресловутая «духовная общность» в их понимании, как правило, подразумевала, что он будет безропотно сносить их истерики, восхищаться тем, что нравится им (и ими самими), и столь же безропотно оплачивать их развлечения. От таких он довольно быстро избавлялся, считая, что проститутки обходятся всяко дешевле и уж тем более не доставляют особой головной боли. Другие все-таки готовы были давать что-то взамен, зато сразу заявляли права на него в общем и целом, считая, что он должен стать именно таким, каким они хотят его видеть. Третьи были просто дурами...

Он замотал головой, будто вытряхивая из нее эти столь несвоевременные мысли. Нашел занятие! Застрял неизвестно где, с неизвестно какими, но явно опасными врагами, идущими по пятам, а мысли все о том же – о бабах...

Намотав на бедра покрывало, Алексей решил сделать зарядку. Но едва он начал упражнение, в комнату скользнула вчерашняя девушка, неся бронзовый кувшин с водой и полотенца, словно только и ждала первых звуков пробуждения из комнаты гостя.

– Благословенного дня тебе, господин, – поприветствовала она удивленного Алексея. – Я приберусь, а ты скажи, когда будешь готов к омовению.

– Я готов, – ответил Алексей, подумав, что не хочет делать зарядку при этой девушке, хотя после вчерашнего долгого общения с Эльви он уже не чувствовал того жгучего возбуждения, какое испытал от ее прикосновений во время мытья. Но одно дело относиться спокойно к заботе юной, красивой девушки, и совсем другое – заниматься при ней спортом. Впрочем, Алексей множество раз тренировался и в тренажерных залах бок о бок с самыми разными женщинами. И это было вполне нормально – там и тогда. Но сейчас ему почему-то было неловко.

Девушка умело поливала водой, пока Алексей умывался, наклонившись над небольшой нишей с песчаным полом. Она подставляла ладошку, останавливая струйки воды, пытающиеся

сбегать по бокам и спине Алексея. Он бросил на нее взгляд и увидел улыбку и искрящиеся глаза.

– Спасибо, – улыбнулся Алексей в ответ.

– На все твоя воля, господин.

– На все воля богов, красавица. А ты чем вообще занимаешься?

– Жду твоих желаний, господин. – Девушка вновь провоцирующе улыбнулась.

– Славно, – кивнул он, окидывая взглядом ее упругое тело. – А где сейчас мои спутники?

– Твоя спутница еще в опочивальне. Низенький человек тоже спит в своих покоях. А высокий черноволосый уже проснулся и гуляет.

– Понятно. Спасибо. Ты иди пока, – сказал Алексей, легонько коснувшись плеча девушки и ощутив крепкие мускулы под легкой тканью одежды. – Мои желания пусть пока останутся при мне.

Девушка, не задерживаясь, вышла из комнаты, захватив с собой пустой кувшин и влажные полотенца. Алексей хотел было продолжить тренировку, но настроение было уже совсем не то. Он подошел к небольшой мраморной скамье, на которой лежала чистая одежда. Все, что с него сняли вчера, теперь, бережно выстиранное и высушенное, было аккуратно сложено. Туфли «Ллойд» окончательно потеряли функциональность, полностью развалившись. Хозяева не решились самовольно выбросить их, поставив, однако, рядом с ними кожаные сандалии. Брюки и рубашка выглядели вполне сносно, но вот пиджак был достоин места на свалке вместе с туфлями. Надев все, что уцелело, Алексей осмотрел себя в большом листе золота, отполированном до состояния зеркала. Он и служил в этой комнате чем-то вроде трюмо. Вид оказался вполне презентабельным, особенно если вспомнить, что выпало на долю этой современной и когда-то добротной одежды.

На улице ярко светило солнце. словно бы не изменилось ничего со дня вчерашнего, только было пока намного прохладнее. И улицы города из-за этого не пустовали, как вчера: то здесь, то там люди куда-то шли или стояли, неспешно общаясь друг с другом. Осмотревшись, Алексей зашагал к расположенному неподалеку парку с причудливо пересекающимися мощеными дорожками среди буйства разнообразной зелени. Он шел, не имея какой-то определенной цели или желания. В центре парка Алексей увидел Зура. Оборотень давно почувствовал его приближение и просто молча стоял, глядя на подходящего.

– Отличная погода, – улыбнулся Алексей.

– Здесь спокойно и тревожно, господин, – качнул лохматой головой оборотень. – Не могу спать.

– Почему? – удивился Алексей, которому спалось в эту ночь особенно легко и сладко.

– Не знаю, – пожал плечами Зур. – Я ощущаю защищенность от всего на свете, что находится вовне, но здесь много своих тревог.

– Тревоги и опасности есть везде, – возразил Алексей. – Просто для тебя это незнакомый мир, не твой мир. Хотя мне здесь очень комфортно.

– Ты здесь бывал, господин, просто забыл. Нам надо идти. Оторок нас ищет.

– Пойдем. Нам уже давно надо нанести визит хозяевам. Я должен найти путь, – согласился Алексей, поворачивая назад. – Откуда ты знаешь, что Оторок нас ищет?

– Я его просто чую, – пояснил оборотень. – Наверное, так же, как звери чуют друг друга.

* * *

Самое большое строение Абидоса – возводимый храм фараона. Фараон еще благоденствовал, не собираясь уходить из этого мира, но здание, которое станет его погребальным храмом, строил со всем возможным размахом и великолепием. Сейчас огромный храм был почти завершен, лишь мастерам росписи предстояло еще долго трудиться над внутренними стенами.

– Ты хочешь встретиться с фараоном? – удивленно спросила Эльви, оказавшаяся неожиданно за плечом Алексея, который стоял на пороге храма.

– Я не знаю, – растерялся Алексей. – Мне кажется, я должен что-то сделать. Может быть, что-то найти. Меня словно тянет куда-то.

– Но фараон тебе точно не нужен. Здесь не потеряна связь с другими слоями мироздания и нет отрыва от Сути, как в твоём мире, но фараон Сети всего лишь обычный правитель. Он не имеет никакого отношения ни к нам, ни к твоей войне, – покачала головой Эльви.

– К моей войне? – нахмурился Алексей. – Ты не хочешь мне пояснить?

– А ты думаешь, что тебя ни за что ни про что упекли в тот, забытый мир?

– Ты говорила про войну, – упрямо настаивал он.

– Нам стоит наведаться в Осирيون, – улыбнулась колдунья, и Алексей понял, что никакого пояснения от нее, как ранее и от остальных спутников, не дожидается.

– Что нам там делать? – поинтересовался он.

– Это мне неизвестно, возлюбленный господин, – промурлыкала девушка, и Алексей даже подумал, не вернуться ли с ней в его комнату. – Ты ведь не посвящал меня в эти тайны. Но сам именно там был в последний раз, перед самым пленением.

– Что же вы все загадками говорите? – укорил Алексей. – А где этот Осирيون находится?

– Вон там, сразу за новым храмом фараона Сети. Все уверены, что в нем усыпальница самого Осириса и Источник энергии великой Силы. – Эльви указала узкой ладошкой на угол возводимого фараоном храма. – Именно поэтому Сети приказал построить храм около Осирiona. Он хоть и знает, что смерть его физического тела – лишь начало нового цикла жизни в другом мире, но надеется, что, устроив свою усыпальницу около Источника, сумеет получить немного божественной силы. Он простой человек, поэтому не хочет верить, что богом, так же как и простым оборотнем, надо родиться.

– Какой бред, мама моя, – покачал головой Алексей, побаиваясь ругаться и только сейчас вспомнив о гноме и оборотне, стоящих чуть в стороне от них и внимательно слушающих разговор. – Уж лучше бы вы мне вообще ничего не рассказывали. Пошли посмотрим на этот Осирيون.

– Я представляю, каким тебе все это кажется, – усмехнулась девушка. – Ты словно слепой. Но в этом есть и свои плюсы.

– Я чувствую себя не слепым. Я чувствую себя олигофреном, попавшим в академгородок. Хотя у олигофрена с академиками будет побольше общего, – фыркнул Алексей, осматривая огромный строящийся храм. – Какие же плюсы могут быть в беспамятстве?

– К сожалению, только один, – ответила Эльви, сгоняя улыбку с лица. – Благодаря этому нас еще не нашли.

– Как он строит это? – изумился Алексей, разглядывая стены храма Сети, сложенные из огромных каменных блоков, еще не скрытых отделочными плитами, росписью и прочей внешней шелухой.

– Много проще, чем ты сейчас мог бы предположить. Им помогают... Здесь многое достойно удивления и восхищения даже для меня. Многие знания доступны далеко не всем...

– Извини, господин, – подал голос гном. – К нам гость.

С той стороны, куда недавно указывала Эльви, предлагая посетить Осирيون, неторопливо шел закутанный в красные одеяния человек. Подойдя ближе, он откинул капюшон. На вид ему было много лет, хотя держался он гордо и прямо, словно правитель. Безволосая голова на длинной жилистой шее. Высокий, скошенный назад лоб. Массивная, выдающаяся челюсть с гладким, словно выкованным из золота абрисом. Прямой, красивый нос и большие глаза. Сходство с отлитой из темного золота статуей придавал и цвет кожи.

– Приветствую тебя, господин, сияющий и могущественный, – громко произнес подошедший, почтительно склонив голову. – Тебя так долго не было, что я усомнился, что дождусь. Я счастлив.

– Ты знаешь меня? – удивился Алексей.

– Господин потерял память, – пояснила Эльви, заметив удивленный взгляд старика. – Сила и память возвращаются, но еще не все открыто ему.

– Возможно, господину надо отдохнуть, прежде чем он войдет в Осирион? – спросил старик, с сомнением глядя на Алексея. – Несколько дней покоя и удовольствия – не слишком большая расточительность для живущего вечно.

– Я достаточно отдохнул, – поднял руку Алексей, подумав, что кое о чем стоит позже расспросить колдунью, например о «живущем вечно».

– Твоя воля, господин, – сказал старик, вновь поклонившись. – Я напому тебе, владыка. Я жрец Осириса, оставленный тобой следить за Источником. Ты сам вручил мне амулет Силы.

При этих словах старик распахнул просторные одежды, открыв взорам висящее на шее причудливое украшение – покрытый вязью надписей и орнаментом символов золотой треугольник с крупным «глубоким» багровым камнем в центре. Алексей заметил, как при виде амулета у колдунии загорелись глаза.

– Хорошо, – кивнул он, жестом успокаивая жреца. – Мы пойдем в Осирион?

– Помилуй, господин, – жрец поклонился еще ниже, – я последую за тобой, если такова будет воля твоя. Но лишь тебе открыты недра Осириона. Всех остальных, осмелившихся осквернить храм, пока в нем покоится святыня, ждут неминуемые страдания, ужас и страшная гибель.

– А как же ты следил? – удивился Алексей. – Снаружи?

– Конечно, мой господин, – согласился старик, не поднимая головы. – Никто не переступал порог храма... – Последние слова почему-то прозвучали неуверенно, словно жрец что-то хотел сказать, но не решился.

Гном и оборотень молчали, но колдунья не удержалась от замечания.

– Ты что-то скрываешь, жрец, – проворчала она, хмурясь. – Ты пытался войти в храм?

– Что ты! – всплеснул руками старик. – Я не шел бы сейчас рядом с вами, если бы только...

– Что – только? – оборвал его Алексей.

– Прости, господин! – всхлипнул, неожиданно упав на колени, жрец. – Я стар уже. Слишком стар, чтобы быть хранителем. Сети положил глаз на Осирион. Даже свой храм возводит едва ли не стена к стене. Ради того пренебрег всеми правилами направлений...

– Чего он хочет? – поинтересовался Алексей, для которого все эти «правила» и «направления» звучали как очередные ребусы.

– Он засылал уже нескольких слуг на верную гибель. Ни один из них не вернулся. Могущество Святыни и Источника ему неподвластны, но тем сильнее он жаждет начертать свое имя на стенах Осириона.

– Чего он хочет? – повторил Алексей.

– Он хочет занять Осирион, сделать его своим храмом, – просто объяснила Эльви. – Так часто делают. Особенно если сам не можешь построить желаемое.

– Я понял теперь, – кивнул Алексей. – У нас тоже так делают. Только не пойму, что в этом странного? Он ведь местный. К тому же фараон. А он действительно не может построить такое?

Алексей невольно окинул взглядом строящийся храм Сети, массивный и мрачный, без росписи и отделки. Все строение говорило о явном могуществе строителей. И тем более странно звучало утверждение, что они чего-то не могут.

Тем временем компания миновала строящийся храм и оказалась перед другим зданием. Тяжелое, огромное, оно словно вырывалось из-под земли и на первый взгляд казалось монолитом, напоминая обтесанную со всех сторон скалу. Не видно было ни окон, ни дверей, лишь темно-красная цельная поверхность всюду. Но, приглядевшись, Алексей заметил отдельные огромные плиты, из которых состояли стены и перекрытия крыши. Ни порталов, ни арок, ни иных украшений, которые он рассчитывал увидеть, здесь не было. Только тяжелая надежность и непоколебимость камня.

– Это он? – спросил Алексей, чувствуя вновь что-то непонятное, словно при встрече с грифоном, только много слабее, вроде мелодии, звучащей на самой грани восприятия. – Это храм?

– Это Осирион, господин, – подтвердил жрец. – Храм, хранящий Источник и Святыню.

– Не очень-то он похож на храм, – покачал головой Алексей, все еще прислушиваясь к своим ощущениям.

– Разве имеет значение внешний вид? – подала голос колдунья, подходя к нему сзади и закрывая ладошками его глаза. – А сейчас тебе все еще кажется, что Осирион непохож на храм?

Алексей чувствовал непонятную энергию, которая спокойным и мощным приливом накатывала от громады храма, и мог бы сейчас поспорить, что с закрытыми глазами легко сумеет на него указать, если его самого раскрутят, как в детской игре. А еще он совершенно точно знал, что хочет быть еще ближе. Словно что-то тянет его вперед. Словно звучит в ушах чарующая, влекущая мелодия. Мелодия, с притяжением которой он бороться не хочет.

* * *

Огромный красный прямоугольный параллелепипед скрывал свои тайны за глухими стенами без окон и дверей. Он был слишком высоким, чтобы можно было заглянуть на тяжело-весную плоскую крышу, сложенную из двух слоев гигантских каменных брусьев. Но Алексею казалось, что от строящегося храма Сети уровнем выше он заметил узкий проем в плоскости крыши.

Обойдя здание и миновав проход в толстой стене забора, вся компания оказалась у противоположной от строящегося храма стороны Осириона. И здесь наконец обнаружился вход. Ворота, достаточно просторные для того, чтобы впустить одновременно четверых человек, вели в полутьму, за которой виднелся сумрак более светлого помещения. Алексей окинул взглядом спутников и удивился. По их виду можно было бы предположить, что они подавлены. Оборотень бычился, как перед грифоном, чувствуя опасность, но понимая бесполезность трансформации. Гном старался не выдавать эмоций, но по тому, как побелели костяшки вцепившихся в секиру пальцев, и по болезненному блеску в глазах не составляло труда понять, что он здорово напуган. Колдунья смотрела в темнеющий проем ворот храма широко открытыми глазами, нервно покусывая губу. Она выглядела самой спокойной из всех и таковой, скорее всего, и являлась, если принять во внимание ее слова о том, что в Абидосе она бывала раньше. Впрочем, был в этой компании и тот, кто не испытывал ни тени страха или тревоги. Только странное возбуждение предвкушения. И этим человеком, на удивление самому себе, был Алексей.

– Дальше мы не пойдем с тобой, господин, если ты позволишь нам остаться в живых, – пробормотал жрец, стоя перед входом в храм на коленях. – Мы будем молиться богам, чтобы они вновь приняли тебя в свои ряды.

– Как хотите, – ответил Алексей, делая шаг к воротам.

– Святыни оборотней! – подал голос Зур, невольно скаля вытягивающиеся зубы. – Может, нам уйти, господин? Не надо тебе туда. Там есть кто-то страшный. И не один. Я чувю.

– Ждите меня здесь, – приказал Алексей, чувствуя, что ничего плохого с ним сейчас не случится.

Он решительно направился в ворота храма. Полутемное помещение позволило глазам отвыкнуть от дневного света снаружи, поэтому следующий зал предстал перед Алексеем во всей красе, скудно освещенный через узкую прорезь в потолочном перекрытии. По сильно наклонному полу без ступеней и какой бы то ни было отделки он прошел в большой зал, одновременно спускаясь все ниже и ниже. Алексей как бы оказался в коридоре шириной около трех метров, где вместо потолка на высоте в два человеческих роста расширился главный зал Осириона. А из этого темного коридора навстречу, к уровню пола верхнего зала, вела лестница, вырезанная из камня, составляющего пол. Алексей шагнул к лестнице, оставив изучение темного коридора на потом.

Внезапно он почувствовал на себе пристальный взгляд. Не осознав это ощущение до конца, резко обернулся, следуя инстинкту. Он никого не успел увидеть, лишь заметил движение боковым зрением. Будто кто-то выглядывающий из темноты ниши во внешней стене отшатнулся. А идти к нише и любопытствовать, кто ее обитатель, совсем не хотелось. Алексей отвернулся и шагнул на лестницу. После темного коридора зал теперь выглядел совсем светлым. Два ряда гигантских колонн из монолитного розового гранита, по пять колонн в каждом ряду. Но не гигантская колоннада привлекла сейчас внимание Алексея. Едва он поднялся по лестнице до уровня, когда его голова оказалась выше пола, взгляд приковала к себе чернеющая на противоположной стене здания ниша. Что-то шевельнулось во тьме, и вновь Алексей почти физически ощутил на себе пристальный взгляд. Медленно поднимаясь, он не сводил глаз с темноты ниши, ожидая чего угодно. Неведомая песня, которую он начал слышать еще перед храмом, зазвучала громче, хотя слова и не стали пока разборчивее. Но теперь Алексей уже воспринимал ее не как далекую, возбуждающую мелодию, а как зов. И зов этот был обращен именно к нему.

В дальней нише вновь что-то шевельнулось, и ощущение взгляда пропало. Алексей поднялся на последнюю ступень и шагнул на каменный пол зала. И вновь движение в секторе бокового зрения заставило его обернуться. В боковой стене, точно между колоннами, темнела еще одна ниша. Алексей быстро повернулся в другую сторону – на второй боковой стене виделось то же самое. Он живо представил себе, как со всех сторон на незваного гостя бросаются жуткие вечные и безжалостные твари, охраняющие неприкосновенность храма. Тут действительно не нужен больше никакой надзиратель. Но ему отчего-то совсем не было страшно.

Он сделал шаг, другой и двинулся вперед, больше не обращая внимания на ощущение взгляда или неясное движение, поскольку зов с непреодолимой силой влек его, одновременно даря ощущение безопасности. Дойдя до середины зала, Алексей осторожно обошел вырезанный в полу прямоугольный бассейн, в котором не было ничего, кроме пустоты. Этот резервуар не таил видимой угрозы, но какое-то предчувствие не позволило ему ступить на сухое дно. Через пару метров располагался еще один бассейн, но значительно меньший и имеющий форму квадрата. Алексей обошел и его, всматриваясь в ведущую вниз лестницу. Она была подобна той, по которой он поднялся сюда. Разве что несколько более узкая, лестница эта не вела к выходу. Напротив, если не считать трех темнеющих ниш, стена позади лестницы оказалась совершенно глухой. Но музыка, звучащая в голове Алексея, звала именно туда. Поэтому, больше не задерживаясь и не сомневаясь, он начал спускаться. Каково же было его удивление, когда, спустившись на глубину в два человеческих роста, он обнаружил вместо ровного земляного пола коридора два пандуса, расходящиеся в противоположные стороны с большим углом наклона. Алексей остановился, прислушиваясь к своим ощущениям.

Песня, уже чуть более различимая, явно звучала из правого коридора, который, судя по темноте в том месте, где пандус пересекал линию стены, уходил далеко вбок и вниз. Осторожно ступая по крутому спуску, Алексей углубился во тьму...

Теперь свет виднелся отчетливо, и Алексей прибавил шаг. Вначале коридор был абсолютно темным, постепенно загибающимся. Алексей шел, касаясь стены пальцами правой руки. Сначала ему показалось, что из-за темноты в глазах появилось призрачное пятно. Но затем он действительно начал различать стены и пол, свои пальцы, руки, ноги... Свет был странного желтого цвета, словно солнце пробивалось на эту глубину сквозь толщу земли и камня. Алексей понял, что конец пути совсем близок, по тому, что песня, радостная и величественная, звучала уже совсем отчетливо. Но в то же время, внятно слыша и мелодию и слова, он не мог разобрать ни одного из них – язык, тягучий и мягкий, был совершенно ему незнаком.

Свет все усиливался. Внезапно коридор закончился, расступившись невысоким залом, имеющим форму цилиндра. Все помещение было наполнено мягким, приглушенным светом, хотя ни одного видимого светильника на стенах не было. Их роль выполняли отполированные золотые зеркала, через хитросплетения световодов получающие свет с поверхности. Свет, едва мерцающий на зеркальных плитах, оказался вполне достаточным для привыкших к темноте коридора глаз, чтобы отлично видеть все находящееся в зале. Стены от пола до потолка покрывал красный отполированный мрамор, перемежающийся покрытыми золотом полуколоннами. В нишах между полуколоннами располагались странные статуи из черного камня. Скульптуры изображали одного и того же человека с различными выражениями лица. Вернее, не совсем человека. У статуй за плечами громоздились сложенные крылья.

Гнев, радость, ужас, высокомерие, злорадство...

Черный камень, тускло освещенный золотым светом, только дополнял искусство скульптора-резчика. На статуях было множество массивных украшений из золота, покрытых вязью, такой же как в орнаменте, украшающем амулет жреца-хранителя. На мгновение Алексею показалось, что сейчас статуи оживут, расправив крылья и выплескивая эмоции на того, кто бесцеремонно нарушил их покой.

На стенах отсутствовали какие бы то ни было украшения, лишь сверху вниз точно по центру золотых полуколонн шла линия из причудливых символов. Все это отложилось в сознании одним фоном для того главного, что находилось в центре зала. Массивный, около двух метров длиной и около метра высотой и шириной, брус темно-шоколадного гранита всем своим видом олицетворял несокрушимую мощь. В его верхней плоскости, тщательно отполированной, так же как и боковые, было высечено сложное ложе. И в этом узком ложе покоился... меч!

В первый миг Алексей даже не увидел его. Просто искусно выполненная прорезь в темном камне, наполненная чернеющей пустотой. Но, приглядевшись, он понял, что это вовсе не чернеющая пустота. Меч не был сверкающим или каким угодно еще куском металла. Алексей даже предположить не мог, из чего он был сделан. Словно стал плотным кусок чистого бездонного ночного неба, освещенного призрачным светом звезд. Алексей шагнул к саркофагу. Протянул руку. Песня уже ревела бушующим, неодолимым штормом, заставляя кровь восторженно вскипать. Пальцы еще не успели преодолеть последние сантиметры до ложа, как клинок сам метнулся в ладонь. Мощный разряд тока взорвался внутри Алексея, шокирующей встряской едва не свалив его с ног. В голове полыхнул калейдоскоп звуков и образов великих походов и битв. Голоса друзей и врагов слились в неразличимую какофонию, оглушая и ошарашивая. Алексей совершенно потерялся в ударившей волне эмоций и чувств.

Когда он очнулся от охватившего его сознание паралича, музыка больше не играла. Меч исчез.

Но, сам не понимая причин, Алексей несколько не удивился. Он знал: каким-то образом меч теперь в нем. И они неразделимы. Бросив последний взгляд на зал, он шагнул во тьму коридора, ощущая одновременно и жуткую усталость и счастье. Теперь он даже не касался стены коридора, отлично чувствуя пространство вокруг себя. Когда рассеянный свет верхнего зала Осириона вновь окружил его, а под ноги легли ступени ведущей наверх лестницы, за спиной кто-то почти жалобно заворчал. Алексей обернулся, привычно уже находя глазами темный

проем ниши. Там виднелась прежде едва различимая, зато теперь отчетливо, в деталях видимая склоненная фигура, еще более темная, чем темнота окружающего сумрака. А за спиной темного силуэта чудился горб сложенных крыльев.

– Вы хорошо служили, – произнес Алексей неожиданно для самого себя. – Теперь вы свободны. Я даю вам волю.

Темная фигура еще больше склонилась, становясь ниже, и так же молчаливо отступила в глубь ниши. А Алексей, больше не задерживаясь, направился к противоположному концу зала, к призрачному свету выхода. Ему здесь больше не было интересно. И ему здесь больше ничего не было нужно.

* * *

Когда Алексей появился из полутьмы ворот, все как по команде облегченно вздохнули. Гном, будто загипнотизированный, не мог отвести взгляд от пустых рук Алексея. Оборотень с деланным равнодушием отвернулся, но исподтишка бросал восхищенные взгляды. Жрец вновь упал на колени, с гулким стуком ткнувшись лбом в утоптанную землю. Колдунья рассмеялась и, казалось, вовсе готова была, как маленькая девочка, запрыгать и захлопать в ладоши.

– Долго же ты там был, господин, – первой подала голос Эльви. – Мы уже третий раз уходим вечером и приходим утром следующего дня в ожидании тебя.

Алексей изумленно завертел головой, почему-то сразу поверив, что этот ураган эмоций, который настиг его где-то далеко под землей, и вправду мог занять больше времени, чем ему казалось. Видя его растерянность, девушка весело рассмеялась:

– Я шучу, мой возлюбленный господин.

Шутка немного отвлекла всех, и даже жрец поднялся с колен и замер, ожидая реакции господина.

– Но несколько часов тебя и впрямь не было.

– А что во втором коридоре? – спросил вдруг Алексей, обращаясь к старому жрецу.

– Я ни разу там не был, мой господин, – заговорил жрец, поднимаясь с колен. – Но по рассказам судя, там просто подземная река и система сообщающихся воздухопроводов и каналов, которые не позволяют воде подняться и затопить подземную часть Осириона. Здесь ведь вода подходит очень близко к поверхности. Благословенная, цветущая земля.

– По чьим рассказам? – уточнил Алексей, вспомнив тяжелые взгляды, которыми встретили его обитатели ниш.

Что стало бы с ним, не узнай они его? А в том, что его узнали, Алексей ни секунды не сомневался. Что стало с теми несчастными посланниками фараона Сети, которые попытались проникнуть в охраняемые стражами пределы и от которых не осталось даже костей на ровных плитах пола?

– По твоим, господин, – ответил старик, пожав плечами. – Мне выпала честь знать лишь тебя из тех, кто допущен в святое место.

– Я освободил их, – бросил Алексей и зашагал прочь от Осириона, уходя той же дорогой, которой они пришли сюда.

Он почувствовал, как испуганно напрягся жрец, торопливо семеня следом и оборачиваясь на храм. Остальным, похоже, передалось настроение старика. Все шли молча, словно ожидая нападения. А Алексей не пытался успокоить их. Не то чтобы он разделял их тревогу. Нет. Им ничто сейчас не угрожало – ни снаружи, ни внутри храма Осириона. Святыня покинула место своего погребения, и храм больше не нуждался в страже. Не успокаивал спутников Алексей потому, что просто не мог сейчас говорить. Он чувствовал себя опустошенным, слишком опустошенным для бесед. И еще он чувствовал себя счастливым, словно после встречи с очень старым, надежным и дорогим другом, почти частью самого себя. А быть может, совсем

и не почти. Может быть, он действительно вновь обрел часть себя самого. Что-то изменилось внутри Алексея. Он не вспомнил всего. Он не вспомнил почти ничего. Но что-то изменилось. Состояние, ощущение окружающего мира, чувство собирающейся собственной силы. Так, молча, они вернулись к современному, просторному жилому зданию, украшенному, как и все современные здания здесь, яркой и красивой росписью и искусной резьбой. Сейчас Алексей вдруг подумал о том, насколько они разные – древнейшее здание, построенное, возможно, самими богами этого мира, и все эти новые постройки, включая величественный храм Сети.

На первом нет надписей, резьбы и украшений. Лишь подавляющая мощь камня, многотонных «кирпичиков», из которых сложено хранилище. Строение, где простой гладкий камень несет в себе больше энергии, полученной от строителей, чем все окружающие постройки со всей их роскошью и великолепием.

– Почему я никогда не интересовался Египтом? – спросил скорее сам у себя Алексей. – Я и не знал, что он столь таинственен и великолепен.

– Это другой мир, – ответила ему колдунья. – Это другое время. Но и в твоём мире в Египте множество тайн и даже святынь скрыты от глаз и разума непосвященных. Они не знают, какие великие тайны погребены совсем рядом, считая великими открытиями найденные усыпальницы простых фараонов с ничего не стоящими побрякушками.

– Откуда ты знаешь про мой последний мир? – удивился Алексей, останавливаясь перед зданием, где они гостили по воле и распоряжению старого жреца.

– Я служительница Солнца, каким именем его ни назови, – усмехнулась девушка. – Ты не раз использовал это, мой возлюбленный господин. Я просто знаю будущее этого мира. Не все, только отдельные ветви. Я вижу, что произойдет в ответ на наши действия.

– Ты видишь, что будет с нами? Когда я обрету память?

– Это мне невидимо, мой господин, – ответила она, но Алексею вдруг почудилась печаль и неискренность в этих словах. – Время жестоко. Оно не знает жалости ни к чему. Осирيون только что потерял силу. Ты отпустил его стражей, и Сети возьмет храм себе, начертав свое имя на девственных стенах этого храма. Ил и песок начнут победное наступление на храм, когда строители, перенося внешнюю стену вокруг Осирiona, перекроют некоторые тайные подземные воздухопроводы, сами не ведая того. Вода поднимется, погребя все нижние коридоры. Лишь верхний зал останется неподвластным времени и донесет до далеких потомков не Суть, но могущество тех, кто создал его. Потомков, не понимающих и не берегущих...

– Ты жестока, – прервал ее Алексей.

– Это не я, – качнула головой Эльви. – Время много более жестоко и неумолимо, чем любой тиран. Ведь даже приходя сюда многие века спустя, я, да и ты теперь, как и ранее, будем чувствовать тоску по этому миру, зная, что гибель его слишком близка и неминуема. Я никогда не понимала твоей любви к жизни среди погибших народов.

– Давай прекратим на сегодня. – Алексей устало поднял руку. – Я больше не могу испытывать эмоции и сопереживать. Мне нужно остаться одному, а еще лучше лечь спать.

Он обернулся и неожиданно обнаружил, что и гном, и оборотень, и даже старый жрец незаметно покинули их, уйдя в свои покои.

– Как тебе будет угодно, господин, – согласилась Эльви, слегка склонив свою изящную головку. – Пусть ночь подарит тебе новые силы.

* * *

– Господин желает омыться? – спросила юная прислужница, заметив, что вернувшийся Алексей очевидно утомлен.

– Нет, – он жестом остановил ее. – Я просто немного прилягу. А омыться и поесть – потом.

Алексей пребывал в таком состоянии, что не чувствовал ни голода, ни желания спать. Просто опустошенность. Опустошенность, граничащую с полным бессилием. Поэтому он буквально рухнул на ложе.

– Я помогу снять напряжение и усталость. – Бесшумно подойдя к ложу, девушка скользнула сильными пальцами по спине лежащего на животе Алексея.

Он хотел было отмахнуться, отослать ее прочь. Но движение рук, начинающих массаж, было приятно, и Алексей промолчал. Девушка разминала ему руки и плечи, разогревая и расслабляя напряженные мускулы. Пройдясь легкими движениями по спине, прислужница помогла скинуть рубаху. словно по мановению волшебной палочки, в ее руках появился небольшой кувшинчик.

– Что это? – насторожился Алексей, присматриваясь к сосуду.

– Не волнуйтесь, господин, – улыбнулась девушка. – Это специальный состав для массажа.

Алексей успокоился, расслабляясь. Прислужница вылила немного жидкости, похожей на зеленоватое масло, на ладонку. Растерев его в руках, она вновь принялась за массаж. Руки девушки, сильные и умелые, порхали над Алексеем, снимая усталость. В смеси, наверное, присутствовали неведомые ему растительные стимуляторы, потому что он действительно ощутил прилив сил. Повинуясь беззвучным командам девушки, Алексей перевернулся на спину. Начав с массажа пальцев рук и ног, прислужница неторопливо разминала каждый сантиметр его тела. Добравшись наконец до груди и плеч, она, выбирая удобное положение, забралась на Алексея верхом. Ее гибкое, сильное тело, пахнущее неведомыми травяными ароматами, было так близко и волнующе, что Алексей вместо уходящей усталости почувствовал возбуждение. Ощувив его настрой, девушка еще плотнее прижалась всем телом, с улыбкой заглядывая в его глаза. Он хотел отстранить ее, но девушка, словно быстрая ящерка, выскользнула из своих легких одеяний, умудрившись при этом не разорвать плотного контакта с его телом. «А почему бы и нет?» – подумал Алексей, уже обхватывая ее за тонкую талию и опрокидывая на просторное ложе...

Глава 6

Еще не проснувшись, Алексей почувствовал приближение кого-то постороннего. Не размышляя и ничего не вспоминая, он вдруг ощутил в своей ладони рукоять тяжелого меча – теплую, живую, пульсирующую энергией. Ощущение длилось лишь пару мгновений, но оказалось столь реальным и осязаемым, что сон как рукой сняло. Алексей вскинул ладонь к глазам, но она была пуста. Переведя взгляд на дверь, Алексей увидел сгорбленного в почтительном поклоне старого жреца.

– Господин, прости за дерзость, – сказал старый жрец, страдая от необходимости тревожить сон господина. – Тебя желает видеть кое-кто.

– Кто? – спросил Алексей отупело, пытаясь вызвать чувство пульсирующей энергии, сосредоточившейся в ладони. Однако ощущение не возвращалось, и он поднял глаза на жреца.

– Мне не хотелось бы произносить вслух его имя, – замялся старик, склоняясь еще ниже, – но в прошлые визиты сюда ты высоко ценил общение с ним.

– Хорошо. Мы пойдем одни? – уточнил Алексей, поднимаясь и быстро облачаясь в свою изрядно потрепанную, хоть и вычищенную одежду.

– Твоя охрана не отстанет, – улыбнулся наконец жрец, немного выпрямляясь. – Да и чутье у него такое, что я даже тайным ходом незаметно тебя вывести не смогу. Страшный он. Одно слово – нелюдь.

– Он ведь никого не обидел, – возразил Алексей, надевая сандалии. – Он не хуже многих людей.

– Он твой слуга, господин, – согласился жрец. – Значит, он лучше многих других, людей или нет, но лучше...

– Ладно, идем, – оборвал его Алексей, бросая взгляд на свое отражение в золотом зеркале.

Оттуда на него глянул небритый, хмурый мужик с короткой стрижкой, в основательно потрепанных брюках и рубахе и в сандалиях на босу ногу.

– Надо какую-нибудь одежду нормальную присмотреть, – буркнул он, заметив, как при этих словах жрец кивнул сидящей на ложе прислужнице.

Та немедленно вскочила, бросаясь исполнять пожелание господина. Оставив ее хлопотать по хозяйству, Алексей следом за старым жрецом вышел на улицу. Неподалеку от входа, как и предполагал жрец, маячил Зур, с видимым безразличием наблюдая за стараниями жука-скарабея. Алексей приветливо кивнул оборотню, не приглашая за собой, но и не пытаясь запретить. Краем глаза он заметил, как могучий страж двинулся следом. Жрец сразу свернул на узкую, мощенную грубым камнем дорожку, совсем заросшую буйной зеленью. Местами им приходилось продираться сквозь живую преграду. Казалось, будто этой дорожкой уже очень давно никто не пользовался. Однако жрец шел так уверенно, словно много раз бывал тут. По предположению Алексея, сейчас они удалялись от обжитой части Абидоса, двигаясь сквозь заброшенный огромный сад. Алексей уже много раз ловил себя на мысли о том, насколько отличается это место от представлений, сложившихся у него ранее о Древнем Египте. Воображение всегда рисовало бескрайнюю пустыню, в которой помимо песка есть лишь пирамиды и храмы. Но здесь он видел песок, только вывалившись из портала. Эти пески доходили до Абидоса с одной стороны. Повсюду же с остальных сторон разливалось море зелени, напоенной обильными дождями. Судя по Абидосу и его окрестностям, Египет цвел как плодородная долина, не испытывающая недостатка в воде и солнце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.